

ИЗМЕНИТЬ СУДЬБУ ИЛИ ОСТАВИТЬ ВСЕ КАК ЕСТЬ?

СЕРГЕЙ МИЛУШКИН

ЗАРНИЦА

ПОСЛАНИЕ
ИЗ ПРОШЛОГО

16+

Послание из прошлого

Сергей Милушкин

Послание из прошлого. Зарница

«Автор»

2022

Милушкин С.

Послание из прошлого. Зарница / С. Милушкин — «Автор»,
2022 — (Послание из прошлого)

Продолжение романа "Послание из прошлого". Группа школьников во время проведения игры "Зарница" попадает из 1984 года в 1941, когда враг пробивается к Москве. ЧП по исчезновению в 1984 году расследует милиция, а ребятам нужно постараться выжить и вернуться назад. У каждого из них проявляются способности, о которых они и не подозревают. Смогут ли они сплотиться или вражда погубит весь отряд? Петля времени неумолимо затягивается.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	58
Глава 10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Сергей Милушкин

Послание из прошлого. Зарница

Глава 1

1984 год

У темно-серых от пыли ворот с красными звездами остановилась черная Волга с номерами Министерства обороны СССР. Рядом, на стоянке автомобилей теснились два милиционерских уазика, «Рафик» кинологической службы и еще несколько машин без надписей, явно не принадлежащих командному составу воинской части №22653.

Заднее окошко Волги приоткрылось. Мужчина в штатском с обветренным волевым лицом и водянистыми глазами посмотрел на парочку похожих друг на друга словно братья-близнецы автобусов марки «Икарус» с табличками «Заказной» и махнул рукой.

– Поезжай.

Волга въехала в открывшиеся ворота, рядом с которыми застыл по стойке смирно солдат с рукой у козырька.

– Поднимут же в воскресенье... – недовольно пробурчал генерал. – Люди на даче отдыхают, последние деньки, можно сказать...

Водитель бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида, крутанул баранку и остановился возле двухэтажного здания командования части.

Ни слова ни говоря, мужчина открыл дверь и легким упругим движением выскользнул из машины.

– Здравия желаю, товарищ генерал! – бросился к нему командир части, отдавая на ходу честь.

Генерал Артёмев окинул быстрым взглядом подчиненного и покачал головой.

– Все уже собрались? – он посмотрел на светящиеся окна второго этажа.

– Так точно, тов...

– Отставить. Давай быстро и по делу.

– Так точ... понял! Андрей Викторович, следственная бригада уже работает, кинологи, еще из комитета кто-то...

– Налетели... – недовольно буркнул генерал. – Вкратце расскажи, что случилось.

Подполковник Васютин выдохнул, оглянулся на окна своего кабинета, желая удостовериться, что за ними никто не наблюдает.

Голос его был твердым, но в нем чувствовалась некоторая вибрация, которую можно было принять за волнение, что в данном случае, как подумал генерал, говорило о внештатной ситуации. Впрочем, иначе бы его не вызвали.

– Личный состав части по договоренности с отделом образования обеспечивал проведение «Зарницы», штатная игра, ничего особенного. Мы такие каждый год проводим, вы же знаете.

Генерал Арсеньев вяло кивнул.

– Все шло по плану, но... – замялся командир части.

– Что?

– Кто-то из школьников украл гранату.

Генерал переменился в лице.

– Что? Как ты сказал? Повтори.

Подполковник сделал шаг назад. Выдержать испепеляющий взгляд генерала он не смог.

– У тебя украли гранату? Ты хоть представляешь... это же трибунал!

– Да, так точно, товарищ генерал... готов понести...

– Так, стой. Это потом. Дальше, дальше давай. Времени нет.

– В ходе игры школьники разбились на три группы. Отряд условных партизан находился в квадрате 64, возле озера «Высокое». По плану они должны были запустить сигнальную ракетницу и отойти в укрытие. Ракетница была запущена. И... одновременно прогремел взрыв.

На скулах генерала заиграли желваки, но он промолчал.

– Игру, конечно, сразу остановили... Школьников разместили в столовой до выяснения.

Накормили... Пересчитали...

– Продолжай, – совсем хмуро сказал генерал.

– Не хватает восемь человек. Все они были в одном отряде условных партизан, включая командира группы Шарова.

– Шарова? Он разве уже здесь?

– Так точно.

– Как-то быстро... – генерал удивленно уставился на командира части.

– У старшего лейтенанта Егорова жена рожает, я отпустил его... – командир части, кажется, готов был сквозь землю провалиться. – А тут Шаров подвернулся... ну я и подумал...

– М-да, подполковник Васютин... сдаётся мне, что ты уже не подполковник... Где дети? У тебя тут тундра непроходимая или может быть, тайги сто квадратных километров, что ты восемь человек найти не можешь?

– Их там нет.

– Как? Что ты сказал?! – рявкнул генерал.

– Мы прочесываем лес и болота. Работают кинологи из милиции и наши тоже там, но... результатов пока нет.

Краем глаза генерал заметил, как в дверях отдельно стоящего приземистого здания столовой появилось красное пятно и повернул голову, дав командиру части секундную передышку.

– Кто эта женщина?

– Классная руководительница одного из классов, Галина...

– Понятно. Сделай так, чтобы никто никуда не выходил и не глазел по сторонам. Не хватало нам еще разговоров.

Командир части махнул рукой и тут же к нему кинулся солдат, замерший по стойке смирно у входа в штаб.

– Тимофеев, – командир кивнул в сторону столовой. – Поставь охрану, чтобы никто носа не показывал.

– Есть! – солдат бросился исполнять приказ.

– Ладно, – сказал генерал, глядя на учительницу, всматривающуюся в опушку леса за штабом. Он и сам повернулся, почти уверенный в том, что вот-вот оттуда выйдут ничего не подозревающие школьники.

«Пока ничего страшного не случилось, – подумал генерал. – Наверняка сидят в старом блиндаже, или укрытии, которого почему-то нет на карте. Возможно, взрывом открыло одно из оставшихся с войны укреплений, которых в расположении части, он знал это точно, раскидано достаточно».

Тем не менее, как человек прекрасно знающий систему и то, как она работает, генерал Артёмев понимал, что, если школьники не выйдут до вечера, может случиться серьёзный прокол и отвечать придется лично ему, как командующему Московским военным округом. Еще и милиция тут как тут.

– Кто вызывал милицию? Сами бы разобрались, а теперь...

– Дети же, товарищ генерал! К тому же взрыв... Я вызвал по инструкции.

– А черт! – ругнулся генерал. – Я и забыл уже про взрыв... – Он вынул пачку «Опала» из кармана, закурил и глянул на умолкшего подполковника, который, кажется, смирился со своей участью.

– Да не дрейфь, Васютин! Найдутся школьники, не могли же они сквозь землю провалиться!

Командир части покачал головой. У него самого было двое детей как раз схожего возраста и по лицу мужчины было видно, что он сам не свой.

– Еще до меня, лет семь назад примерно в тех местах пропал солдат, – сказал Васютин, не глядя на генерала. – Я точных обстоятельств не знаю, но его так и не нашли. До сих пор.

– Я слышал про этот случай, хотя служил на Дальнем Востоке, – ответил генерал, выпуская облачко дыма. – Нашли ремень и фляжку. Утонул парень, такое бывает. Все-таки мы в армии, а не на курорте в Сочи.

– А тело?

Генерал пожал плечами.

– Звери, природа матушка.

Подполковник вздохнул.

– Но и костей не нашли. Водолазы, разумеется, просеяли все дно сквозь сито.

– Там же болото, ты сам прекрасно знаешь. Если утянет в трясину, какие водолазы... Все, никто не найдет.

Генерал докурил, потом затушил бычок о край урны.

– Хотя какие-нибудь следы школьников есть? – он испытующе посмотрел на подчиненного.

– Обнаружили три пустых пачки от земляничного печенья и пустую бутылку «Тархуна». Нет ни рации, которую мы утром повесили на сосну, ни ракетницы, из которой выстрелил Шаров.

– И рации нет? – удивился генерал. Неприятный озноб пробежал по его спине и он, тут же спросил: – Ты склады, оружейку проверил? Кроме гранаты...

– Все на месте, товарищ генерал! Только одна граната...

– Фу-ух, – выдохнул генерал, хотя неприятное ощущение в желудке никуда не делось. Застарелая язва, которую с трудом успокоили лучшие врачи в Кисловодске начинала ныть снова.

– Ладно, идем. Послушаем, что скажут сыскари. Может, есть какие-то новости.

Они быстро прошли к дверям штаба. Солдат на входе вытянулся по струнке и отдал честь.

Кабинет командира части находился на втором этаже. Когда генерал вошел, все присутствующие, включая милиционеров, тут же поднялись. Конечно, же они видели из окна, кто приехал и ожидали его. И хотя ситуация представлялась далеко не рядовой, в этом небольшом кабинете с длинным столом и деревянными панелями на стенах мало кто всерьез воспринимал данное происшествие. Полковник Игорь Левин, дежурный по городу, которому пришлось тащиться в такую даль, хотя и в столице дел было невпроворот нетерпеливо крутил пальцами шариковую ручку. Увидев армейского генерала, он испытал тайное облегчение и даже некую долю злорадства, объясняющуюся извечной нелюбовью армии и милиции.

Разумеется, Левин уже знал про гранату, взрыв и именно его, городская бригада кинологов сейчас работала на месте поисков.

Генерал коротко кивнул собравшимся, прошел к столу командира части и, глянув на Владимира Ильича Ленина, зорким взглядом следившего за совещанием, сел на скрипнувший стул.

– Здравствуйте товарищи, разрешите представиться, генерал Артёмев Андрей Викторович, командующий Московским военным округом. Полагаю, все вы уже в курсе ситуации, поэтому рассказывать, что произошло, не считаю нужным.

Присутствующие, а это еще пять человек, включая Левина, синхронно кивнули.

– Командир части правильно поступил, когда... оповестил органы милиции о данном инциденте, хотя я считаю, что ничего страшного не случилось, – он припечатал взглядом Левина, сидевшего сразу справа, но тот не смутился. – Всякое бывает, нужно понимать, что это школьники. Среди них есть сорванцы, хулиганы, которые всегда найдут лазейку. – Он кивнул командиру части. – Дмитрий Олегович... что вы скажете на это счет?

Васютин сидел по левую сторону стола и буравил взглядом свои руки. Когда генерал обратился к нему, он дрогнул и как-то неуклюже вскочил – стул за ним с грохотом опрокинулся.

– Как рассказала классный руководитель шестого «Б», так и есть. В условный отряд партизан действительно попал парень-второгодник, именно из тех, кого зовут хулиганами. Константин Червяков. Он состоит на учете в милиции... – Васютин посмотрел на Левина, который делал пометки в небольшом блокноте с кожаной обложкой. – Остальные – обычные ребята, но, разумеется, все их данные уже есть. – Он посмотрел на генерала, тот кивнул, и Васютин протянул лист со списком ребят дежурному по городу.

Сидящий рядом с Левиным плотный коренастый мужчина в сером костюме без опознавательных знаков, быстро спросил:

– А Шаров? Каким образом он тут оказался?

– Вы... – произнес генерал Артёмев.

– Извините, не представился. Старший оперуполномоченный Московского уголовного розыска, Иван Алексеевич Белов.

Генерал кивнул и посмотрел на Васютина.

– Ответственный за проведение Зарницы, старший лейтенант Егоров по семейным обстоятельствам убыл из расположения части по моему распоряжению...

– Что еще за обстоятельства? – довольно бесцеремонно прервал его Левин.

– Жена рождает, – мягко ответил командир части.

Опер кивнул.

– Так... как Шаров сюда попал?

Присутствующие переглянулись. Все они, конечно же знали мастера спорта по легкой атлетике, который буквально пару недель назад упустил путевку на чемпионат Европы и теперь его судьба была под вопросом.

Генерал Артёмев слегка поднял руку и напряженные лица усталились на него.

– С Министерством спорта СССР мы подумали, что Шарову будет лучше тренироваться в спецроте, если, конечно, он сам решит. Поэтому он знакомился с расположением, ребятами... так, Дмитрий Олегович?

– Так точно, товарищ генерал!

– С чего вдруг? – задумчиво произнес Левин. – Он показывал хорошие результаты, ну с кем не бывает, одно поражение – это еще не провал... Ладно... – он черкнул фамилию в блокнот и посмотрел на Белова. – Проверим и Шарова, разумеется.

– Учителя, военрук, физрук, кто еще?

– Вроде все, – ответил командир части.

– Нет, – сказал Белов. – Еще водители автобусов. И полные списки всех учеников, а не только группы, которая... – он не сказал слово «пропала», но всем и так было понятно. Как бы они не враждовали, как бы не относились друг к другу, никому не хотелось слышать это слово.

Сидевший до этого тихо и неподвижно маленький человечек в роговых очках поднял руку и все тут же посмотрели на него.

– Товарищи. Ситуация не слишком приятная, но и каких-то особых проблем я не вижу. Тут я целиком согласен с генералом Артёмевым. Несмотря на это, с данного момента абсолютно все поступающие сведения по делу, включая результаты розыскных мероприятий, опе-

ративные разработки согласовывать со мной. Школьников и учителей нужно задержать в расположении части под любым предлогом во избежание распространения паники. Всем понятно?

Генерал нахмурился.

– Понятно, – ответил Левин, косясь на штатского. Он знал этого мужчину из Комитета государственной безопасности, хотя и не понимал, какое отношение КГБ может иметь к этому, в общем-то довольно банальному делу.

– Вот и хорошо, – ответил штатский.

В дверь кабинета кто-то быстро постучал, раздался приглушенный и встревоженный голос, ему ответил еще один.

– Войдите, – зычным голосом сказал генерал Артёмьев, посмотрев на стену, где висела большая карта Москвы и Подмосковья. Рядом он увидел алый вымпел с гербом СССР «Отличник боевой и политической подготовки».

На пороге возник встревоженный солдат, который тут же вытянулся по струнке.

– Разрешите, товарищ генерал? – быстро оценив обстановку, он обратился к человеку, сидящему во главе стола.

– Докладывай.

Милиционер оглянулся на дверь и волнуясь, быстро затараторил:

– Т-щ генерал, был приказ... но...

– Ну-ка пропустите быстро, – участники совещания услышали женский голос и одновременно повернули головы к выходу.

– ...приказали не пускать, но она прорвалась!

– Так еще и что-то скрываете! – возмущению женщины не было предела. – Я быстро на вас управу найду, там мои дети! Ну-ка пропустите быстро или я буду звонить в горком!

Генерал уставился на дверь тяжелым взглядом.

– Пропустите, – коротко приказал он солдату и тот немедленно отступил от двери, пропустив вперед довольно молодую женщину в вызывающе красном спортивном костюме, которую генерал видел на входе в столовую.

– Так! – женщина вошла в кабинет походкой львицы, готовой разорвать любого за своих детенышей. Генерал слишком хорошо знал этот запах гнева и войны. – Кто тут главный?! Я немедленно тре...

– Кхе...кхе... – откашлялся негромко в кулак штатский и отвел взгляд.

Дежурный по городу Игорь Левин открыл было рот, но генерал опередил его, предчувствуя, что тот может сказать что-нибудь не слишком нужное в данный момент.

– Если я не ошибаюсь, вы Галина Самуиловна, классный руководитель шестого «Б»?

Женщина окинула взглядом сидящих мужчин, подошла к краю стола точно напротив генерала и, оперевшись кулаками о столешницу, произнесла:

– Да, я классный руководитель шестого «Б» и я требую...

– Подождите, Галина Самуиловна, – миролюбиво произнес генерал. – Присядьте, давайте разберемся. – Он кивнул солдату и тот быстро подвинул стул непрошеной гостье.

– Спасибо, я постою, – ответила она, подняв подбородок и генерал вздохнул. Женщина была очень похожа на его жену в молодости, – такая же своенравная и резкая. С ней будет ох как непросто. Лишь бы милиция не напортачила, – подумал он и развел руками: – Воля ваша. – Он снова кивнул солдату и тот удалился из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

– Вы приказали запереть нас в столовой! Это возмутительно!

– Я понимаю ваше негодование, но давайте по порядку. Вы находитесь на территории режимного объекта. Здесь не парк культуры и отдыха, где можно разгуливать, как угодно. Это раз. Во-вторых. Один из ваших учеников ухитрился украсть со склада части гранату и потом подорвать ее.

Он увидел, как раскрасневшаяся учительница побледнела, затем оглянулась будто в поисках поддержки, и, найдя за своей спиной лишь стеллаж с бюстом Жукова и полное собрание военной энциклопедии с красными плашками на корешках толстых томов, она запнулась, но к удивлению генерала, почти не растерялась.

– Это Червяков?! Так?

– Да, – подтвердил оперуполномоченный Белов. – Это ваш ученик Константин Червяков. Возможно, ему помогал кто-то еще, отвлекая внимание... мы пока не знаем.

– Все равно это не дает вам право... это же дети! И... – она встрепенулась. – А где же, собственно, мои ребята? Они что, задержаны?

Белов и Левин переглянулись. На их лицах отразилось замешательство.

Генерал тоже молчал. Командир части что-то чертил карандашом на листе бумаги перед собой.

Пауза затягивалась и когда молчание стало совсем уж неудобным, раздался вкрадчивый голос справа от классной руководительницы. Она даже не поняла сразу, кто говорит, потому что не заметила этого маленького человека в сером невзрачном костюме и таком же сером галстуке.

Его глаза блеснули сквозь толстые роговые очки.

– Дело в том... Надежда Самуиловна... вы все-таки присядьте. – Он кивнул на стул и на этот раз женщина последовала рекомендации. Тревога в ее глазах усилилась, кончики пальцев слегка дрожали. – Отряд... из семи... из восьми человек, включая опытного спортсмена Илью Шарова согласно регламента игры прибыл на место, они справились с первой частью задания, нашли рацию, включили ее, смогли настроиться на частоту и передать координаты условным армиям для нанесения артиллерийского удара, после чего группа выдвинулась в район озера «Высокое» для подачи визуального сигнала из ракетницы.

– Я видела ракетницу, – сказала побледневшая учительница и штатский кивнул.

– Все ее видели. И... потом...

– Был взрыв... Я подумала, так задумано... хотя земля под ногами дрогнула и...

– Да, вы совершенно правы. В части того, что взрыв был. Но задуман он не был, это взорвалась граната, которую похитил ваш ученик.

– Господи... – женщина закрыла лицо руками. Плечи ее мелко затряслись. Она всхлинула, потом убрала руки. Глаза ее были красными, но она все же старалась сохранить самообладание и генерал, глядя на красивое лицо, удивился ее выдержке. – Они... кто-то... ранен? Или...

Штатский чмокнул губами.

– Дело в том... нет, никто не ранен.

– Тогда... – она выдохнула, хотя это и не принесло ей облегчения. – А собаки? Я видела собак, зачем они? Что это? И милиция? – она посмотрела на двух замерших слева от нее милиционеров, будто только что их увидела. – Вы же... вы из милиции?

Левин кивнул, подтверждая очевидное.

Штатский справа поерзал на стуле и сказал уже в третий или четвертый раз:

– Дело в том... что мы не можем установить связь с группой.

– То есть... как? Не поняла... – Галина Самуиловна повернула голову и уставилась на этого маленького человечка, очевидно, как теперь она поняла, являющегося тут главным. – Вы что...

– На месте, где они должны были устроить привал и переждать условный артобстрел – их нет. В связи с этим мы вызывали кинологов, потому что лес запутанный, сложный для поисков. Они могли просто заблудиться или по ошибке забраться в какой-то другой блиндаж, где до сих пор и находятся, отмечая успешно выполненное задание.

– Забраться в другой блиндаж? Отмечая успешно выполненное задание... – словно в забытьи проговорила учительница. – Не поняла...

– Мы не можем их найти, Галина Самуиловна, – твердо произнес генерал, решив, что лучше сказать правду. – На месте происшествия нет ни раненых, ни убитых... судья по характеру повреждений деревьев и береговой полосы озера, растительности на его берегу, гранату бросили в озеро. Возможно, они испугались того, что случилось и решили убежать, выйти на трассу и самостоятельно доехать до города. ГАИ сейчас проверяют машины. Мы делаем все возможное, чтобы в самое ближайшее время найти ваших ребят.

– Господи... – снова проговорила Галина Самуиловна. На ее лице не осталось и кровинки. Она была абсолютно белой.

Глава 2

Сначала что-то защекоotalo в ухе – совсем чуть-чуть, на грани восприятия, точно во сне, и он улыбнулся. Зловещая темная пелена страшного сна отступила, небо разошлось. Будто по мановению чьей-то всеисильной воли облака разошлись и в образовавшийся колодец хлынули теплые лучи утреннего солнца.

Он смахнул с уха пушинку и снова улыбнулся. Так приятно сознавать, что все хорошо. Даже после самого жуткого сна всегда просыпаешься или хотя бы понимаешь, что все закончилось и в награду тебе даровано сладостное послесонье, такой период между сном и бодрствованием, когда негa еще окутывает тело и хочется лишь тихо лежать, прислушиваясь к звукам в комнате и на улице.

Витя слегка потянулся.

Наверное, он долго пролежал в неудобной позе, потому что спину словно скрутило от напряжения.

«А-а, – ленивая мысль плавно приплыла в сознание, – вчера же была «Зарница». Тогда понятно. Ох и набегались же мы...» Классно, что ему удалось по какой-то счастливой случайности попасть в одну команду с Леной и... – Витя затаил дыхание... – он вспомнил, как полез на дерево за рацией, оглянулся на Лену с высоты и уловил ее испуганный и одновременно восхищенный взгляд. Оно того стоило! – подумал Витя. Даже если учесть, что он не слишком удачно спустился.

– Конечно! Там ногу некуда было поставить, – пробормотал он сквозь сон. – Вот и пришлось ползти, используя одну лишь силу рук. Не зря он так долго и нудно, порой через не хочу тренировался на канате в школьном спортзале. Пригодилось! – Вы когда-нибудь спускались с сосны, хватаясь за ствол голыми руками? Нет? Ну попробуйте! – сказал Витя непонятно кому.

А что было потом?

Он поерзал в памяти и тут же расплылся в улыбке. Конечно же, его похвалил Шаров, командир отряда, за то, что он не бросил мешок с рацией на землю. А потом Лена стала обрабатывать царапины. Она наклонилась к нему так близко, что ее локоны касались его щеки и тогда он замирал, не в силах пошевелиться, а легкая, неуловимая щекотка от ее волос, пахнущих каким-то божественным цветочным нектаром, распространялась по всему его телу в виде испуганных мурашек.

Потом Лена передавала сообщение по рации. Ее тонкий пальчик отстукивал неведомое, зашифрованное азбукой Морзе, послание для других отрядов. Витя зачарованно смотрел на этот процесс – все тайное, зашифрованное, неведомое притягивало его словно магнит. Он вдруг вспомнил про магнитофон, ждущий его в штабе, точнее в подвале Шершня и тут же провел аналогию – точно так же, как и Лена сейчас, он передавал сообщение – только куда и кому? В будущее, скрытое огромной, непреодолимой толщей лет...

Они спрятали рацию в тесную щель под корягой, похожую на нору и закидали ее ветками и сухими листьями.

И вдруг...

Витя вспомнил как Лена изменилась в лице. Да... почему же он не спросил ее, что случилось? Или спросил, а теперь забыл? Он попытался восстановить в памяти этот момент, хоть какой-то малейший признак его. В висках застучало и с этим напряжением солнце куда-то запало. Тень снова скользнула по глазам, и Витя подумал, что зря начал думать об этом не слишком приятном событии.

Но что-то же ее испугало? Да, это был явный испуг! Она что-то увидела и, вроде бы, даже сунула ему в руку какую-то записку. Но он не прочитал ее, на бегу это делать было неудобно и темно, потому сунул смятую горошинку в карман спортивного костюма.

Через мгновение в памяти всплыло довольное лицо Шарова с ракетницей над головой.

За стенкой застонал сосед-алкоголик. Витя снова попытался разогнуть спину и не смог – та онемела основательно.

– Поздравляю! Вы отлично справились! – сказал довольный командир приятным баритоном. Витя отметил, что у спортсмена очень приятный голос: – Мы вышли на условную позицию. После сигнала нашим войскам мы отойдем в укрытие, где будем ждать залпа по врагу. Вы стойко преодолели все препятствия, но впереди вторая часть задания. И все же я хочу сказать, что горжусь вами и с радостью пошел бы с таким отрядом в разведку!

Витя засмеялся и ребята вокруг тоже. Настроение было приподнятым. Он почувствовал, как Лена сжала его руку.

– Ну давайте уже, стреляйте, – раздался за спиной голос Червякова.

Витя обернулся и успел заметить, как в сторону озера полетел большой камень, брошенный второгодником. Камень зеленоватого цвета, ребристый, очень похожий на...

Шипя и сверкая, весело взмыла в небо ракетница.

А потом он почувствовал оглушительный удар. Водная гладь раздулась вверх и вширь, взметнулась, вздыбилась, окрасив небо в грязный серый цвет. Комки ила, песка и грязи ударили в грудь и неведомая сила, схватив за грудки, играючи отбросила его куда-то на поляну, к толстому стволу сосны, возле которого лежали рюкзаки и сумки отряда.

Витя подумал, что, наверное, там, на берегу озера он оступися, неловко упал или может быть, что-то еще случилось. А теперь он лежит дома, например, со сломанной ногой.

В конце концов, нужно открыть глаза, – решил он. Наверняка рядом на стуле сидит мама и смотрит на него с укоризной. Но тут уж ничего не поделаешь. Придется испытать эту горькую чашу до дна. Может быть, он сам что-то напортачил, только забыл, что именно.

Витя с трудом разомкнул веки.

Первые несколько секунд он пытался сфокусироваться и не понимал, почему розоватые обои в его комнате вдруг стали какого-то зеленоватого оттенка, напоминая скорее даже фотообои, виденные им у Аркаши Крамского, отец которого работал в министерстве. Фотообои с изображением хвойного леса. Очень-очень реалистичные, как настоящий лес.

Витя смотрел на картину перед собой, пытаясь сообразить, как удалось ученым сделать фотообои с движущимися веточками и травинками. Эффект и впрямь был невероятным. И, главное, – когда мама успела переклеить старые выцветшие обои?

И тут его пронзила жуткая мысль.

Наверное, он попал в больницу, как... как Шершень, у которого он побывал на днях. И пролежал там, может быть, несколько недель. Или месяцев. И к его выздоровлению мама сделала ремонт в комнате, достав дорогие импортные фотообои.

А потом Витя увидел на тропинке... Он приподнялся на кровати, охнул, потому что резкая боль пронзила лопатку, электрическим разрядом сверкнула в бок и отдала куда-то в область ягодицы, заставив его со вздохом откинуться на подушку.

Витя закрыл глаза и минуту часто дышал, слушая пение птиц и журчание ручейка где-то совсем неподалеку. Голубой спортивный костюм... руки, словно крылья птицы, раскиданные по обеим сторонам тела... картинка стояла у него перед глазами словно настоящая.

– Лена... – прошептал он растрескавшимися от жажды губами. Одновременно его мозг пронзила ясная и ужасающая мысль: «Откуда дома ветер и эти птицы? Откуда журчание воды и шум... большого леса?!»

Чувствуя, как сердце начинает заходиться от странного предчувствия, как бывало, когда он поневоле накручивал себя разными мыслями с ужасающим финалом, Витя резко распахнул глаза, желая, наконец, прогнать столь реалистичную картинку в его воображении.

«Я точно заболел», – подумал он. Но когда боковым зрением уловил движение справа, а девушка, лежащая на тропинке, вдруг застонала и начала приподниматься, он понял – что все происходящее – реально. Более того, он не дома, а точно там же, где и завершилось его странное видение: у озерца, куда они прибежали, чтобы подать сигнал артиллеристам.

Плача что-то коснулось, и Витя резко повернулся, ударившись локтем о ствол дерева.

– Черт! Что это?!

Прямо за ним на четвереньках стоял Давид. На щеке друга кровоточила глубокая царапина, а сам он был похож на какого-то сбегавшего с крыш Лондона трубочиста – вымазанное черной грязью лицо и большие, прямо огромные голубые глаза, уставившиеся на Витю с расстояния полуметра.

– Что... Что случилось? – прошептал Давид, оглядываясь.

– Не знаю... я думал... я думал, это сон какой-то!

– Ты слышал взрыв?

В этот момент Лена снова застонала и ребята, охнув почти синхронно, вскочили со своих мест и бросились ей на помощь.

Подхватил одноклассницу под руки, они усадили ее возле дерева. Лена покачнулась, чуть не упала на рюкзаки, но Витя поддержал ее за локоть.

– Пить... – прошептала она. – Дайте мне что-нибудь попить...

Давид оглянулся, вытянул из небольшой горки свою сумку, достал оттуда походный туристический термос.

– Вот, шиповник будешь?

Она кивнула.

Давид открутил крышку и налил в нее немного теплого ароматного напитка.

– В нем много витамина С, – сказал он.

Лена сделала несколько глотков, взгляд ее стал более осмысленным.

– Ты что-нибудь помнишь? – спросил Витя, продолжая ее поддерживать. – Что случилось?

– Вы ничего не видели? – спросила она после минутного молчания, во время которого она пыталась прийти в себя. – Он кинул эту штуку... похожую на гранату в озеро. Червяков. Когда Илья Андреевич запускал ракетницу, я немного отошла, потому что... боюсь вообще выстрелов. Даже по телевизору боюсь смотреть все эти фильмы про войну. И подумала, что лучше отойти подальше. Мало ли... – она поежилась. – И когда ракета взлетела, он вынул эту штуку из кармана, выдернул что-то из нее... – она показала пальцем в сторону берега, – вон, кажется она лежит! И кинул в озеро. Потом... как-то не сразу, а... даже не знаю, как объяснить, будто в замедленной съемке, как в кино, из озера поднялся столб черной воды, так, словно кто-то сильно встряхнул чернильницу и все из нее хлынуло наружу и этой вот чернотой нас накрыло. – Лена посмотрела на Давида и чуть-чуть улыбнулась. – Вот, у тебя все лицо в... этом.

Витя слушал ее рассказ с открытым ртом. Она описала этот момент так красочно, что теперь он понял, почему по сочинениям у нее всегда одни пятерки.

– Не волнуйся, у тебя тоже, – ответил Давид, скривился от боли и дотронулся до своей щеки. На его пальцах осталась кровь. – Блин... – сказал он. – Надо подорожник поискать...

Этого добра здесь было навалом и через мгновение он прилепил здоровенный листок на правую сторону лица.

– Вот так лучше... – он попытался улыбнуться.

– Что самое странное, взрыва-то почти и не было, – сказала Лена. – Точнее он был, но будто бы там – по ту сторону экрана телевизора. Нам же досталась только слабая ударная волна.

Все поглотила эта черная грязь. – Она показала на Витины руки и его новенький костюм, выглядящий так, будто его достали со дна самой глубокой и грязной городской свалки.

Потом украдкой оглянувшись, он быстро затараторила:

– Я же хотела тебя предупредить, но ты ничего не слышал и не слушал! – Она запнулась, и Витя почувствовал, как краснеет. – Еще там, у сосны, когда ты доставал рацию, я заметила, как он вытащил из кармана странный предмет и разглядывал его, потом быстро засунул назад. Все смотрели на то, как я передаю сообщение и не обратили внимание. А он стоял чуть правее и позади Ильи Андреевича, так что никто кроме меня не видел, чем он занят. Я написала тебе записку, когда складывали рацию, но ты не прочитал ее, – Лена с укоризной посмотрела на Витю и тот почувствовал себя предателем.

– Я... я не знал...

– Ладно. Вряд ли мы могли что-то сделать. Я была не уверена, но видела в кино такие штуки. Я думала, это не настоящая граната. Но это же Червяков! От него можно ждать чего угодно!

– Это уж точно, – сказал Давид. – Парень эксцентричный.

– Что? – спросила Лена. – Экс...

– Да ничего, – махнул рукой Давид. – Придурок он, вот и все.

– Это да, – согласилась Лена. – Но я... в общем, только никому не говорите, хорошо?

Ребята переглянулись и закивали головами.

– Совсем никому! – Она понизила голос до шепота. – Вместо сообщения с нашими координатами, как было написано в задании, я передала просьбу о помощи. Никто все равно Морзе не знает. Особенно Червяков.

– Надо было сказать Илье Андреевичу, – вырвалось у Вити.

– Я же не могла просто так подойти к нему и сказать... – резонно заметила Лена. – Как ты думаешь...

– Ну да... – согласился Витя, представив себе ситуацию. – Это выглядело бы... не очень.

Левее них затрещали кусты, раздалось завывание и оттуда через пару секунд вылез толстяк Петя Марченко. Он выглядел почти как новенький, разве что пионерский галстук выбился из-под спортивной куртки стального серого цвета, да волосы на голове перепутались и сбились в какой-то несуразный клок.

– Что... что случилось?! Где... все? – нетвердой походкой и потирая затылок, Петя подошел к ребятам. – Что это было? Землетрясение что ли? Вот уж не думал, что в Москве могут быть землетрясения!

– Типа того, – ответил Давид. – Нас немножко потрянуло. Правда, не по воле природы, а по прихоти одного...

– Так мне не показалось? – вырывалось у Петра. – Это был взрыв?

– Да, – сказал Витя. – Граната рванула в озере. А кинул ее туда догадайся с трех раз кто...

– Червяков?

Три головы синхронно кивнули.

– Козел, – сорвалось у Марченко. – Из-за него у Ильи Андреевича теперь будут неприятности, – уверенно и со знанием дела заявил он. – И по спортивной и по партийной линии...

– А причем тут Илья Андреевич? – удивилась Лена.

– Отвечает, потому что командир, – сказал Давид.

Марченко кивнул.

– Именно. Влетит ему капитально.

– А где остальные? Где же сам Илья Андреевич? – спросил Петя и ребята начали ози-раться. В лесу стояла непривычная, какая-то особенная тишина. Даже птицы притихли, словно прислушиваясь к негромкому разговору школьников.

– Кажется... – сказал Витя, повернув голову к оврагу, из которого они выбежали, – ...я что-то слышу. – Овраг спускался с пригорка прямо в озеро и оттуда доносились звуки возни.

Когда они подбежали к его краю, то увидели Дениса Крутова, в тщетной попытке забраться наверх. Он был все в тех же очках с толстыми линзами, только одна из них разбилась и теперь Денис был похож на крота, пытающегося выбраться наружу из своей норы. Он постоянно соскальзывал – стенки оврага были скользкими и мокрыми.

В очередной раз бессильно съехав на дно, он заметил ребят и попытался что-то сказать, но вместо голоса раздался хрип. Со стороны это выглядело жутковато.

Витя опустил на корточки протянул руку.

– Держите меня, – крикнул он стоящим позади Давиду и Пете.

Денис покачал головой, будто не веря в это мероприятие, но все же ухватился за протянутую руку и через минуту оказался наверху.

– Ну у тебя и видок, – сказал Давид, отнимая подорожник от щеки. Лист окрасился в бурый цвет.

Глаза Дениса полезли на лоб. Он откашлялся.

– Что... тут происходит? – наконец удалось ему сформулировать вопрос. – Это что... война?

– Война? – на лице подошедшей Лены пробежала тень. – Это «Зарница», или ты уже забыл, как мы повязывали ленточки на площадке?

Денис замотал головой.

– Нет... но... я вроде... не забыл... – он снял очки и, кажется, только теперь увидел разбитую линзу. Лицо его одновременно выразило изумление, досаду и боль. – Как же я... – он вытянул очки, показывая их ребятам.

– Придется пока так... дома уже новые линзы вставишь. Запасные-то хоть есть? – спросил Витя.

Денис отрицательно покачал головой.

– С собой нет, я же не думал, что...

В этот момент со стороны озера раздался протяжный стон, плеск воды и какие-то странные звуки – то ли бульканья, то ли еще чего-то. Группа замерла, насторожилась.

Затем, ни слова ни говоря, все бросились к воде – кто-то, охая и прихрамывая, кто-то, удерживая листок у щеки, а кто-то, щурясь через разбитую оправу.

На границе берега и воды, там, где раньше рос двухметровый камыш все было подчистую выкошено – словно в этом месте пронесся тайфун или смерч.

Бугристая черная жижа покрывала все вокруг – такая черная, будто на берег озерца вылилось несколько тонн мазута или нефти.

Ребята замерли у кромки озера, потом Лена протянула руку, и все увидели, как часть черной жижи словно приподнимается, набухает – в этот момент раздавалось характерное бульканье.

– Помогите, помогите!!! – закричала она, – здесь Илья Андреевич!!!

Витя ринулся в воду, мгновенно увязнув чуть ли не по колено. Давид, бросив осточертевший подорожник тоже скинул кеды и бросился на подмогу. Петя, обхватив голову, остался стоять на берегу, а Денис присел на корточки и пытался разглядеть происходящее, пялясь в разбитые очки.

– Давайте, Илья Андреевич... – Витя подхватил Шарова под локоть. Подоспевший Давид вцепился в спортивную куртку и потянул командира к берегу.

Шаров дернулся, бултыхнул ногами, как-то странно выгнулся, будто что-то загребая под собой руками.

– Ка...какой тяжелый, – покраснев от напряжения, охнул Давид.

Шаров фыркнул, выплевывая изо рта грязную воду, подтянулся с помощью Вити и резким рывком, облив всех новой порцией грязи, вскочил на ноги.

Только тогда ребята разглядели, что перед собой спортсмен держит Червякова, мокрая голова которого болталась на груди без признаков жизни.

– Вот это да... – сказал Денис, вообще сняв очки.

– Он его утопить хотел, – уверенно заявил Марченко. – Я бы тоже самое сделал.

Лена покачала головой.

– Ну ты и дурак, Марченко. Здоровый, а дурак. Когда Червяков кинул гранату, Илья Андреевич прыгнул на него и своим телом закрыл от осколков. Понял?

– Зачем спасать такого идиота? – пожал плечами Петя.

– На месте Червякова мог быть и ты, – презрительно ответила Лена.

Когда всем удалось выбраться на берег, Шаров оглядел ребят. С его спортивного костюма стекала вонючая черная жижа, а сам он был похож на неудачливого сантехника.

Червякова тут же уложили на бок. Изо рта у него вылилась струйка черной гадости, Илья Андреевич слегка стукнул его по спине и тот закашлялся.

– Жить будет, – сказал Шаров.

Ко всеобщему удивлению, на губах мужчины играла едва заметная улыбка.

– Все целы? – спросил он, зачесав мокрой пятерней волосы назад. Теперь он был похож на мафиози из популярного сериала «Спрут» про комиссара Катани, который как раз показывали по телевизору.

– У меня очки сломались, – тут же пожаловался Денис. – Я не могу без них, а запасных нет.

– Еще потери есть?

Петя открыл рот, но посмотрев на Лену, решил промолчать.

– Ты как? – спросил ее Шаров.

– Меня отбросило на тропинку, но жить буду, – улыбнулась она и потерла коленку.

Он кивнул.

– Главное, все целы и относительно здоровы. Сейчас немного перекусим, как и планировали, потомждемся, пока наш хулиган придет в себя и постараемся до потемнения добраться до части.

– А далеко мы ушли? – спросил Витя. – Когда бежишь не очень понятно.

Шаров оглянулся, увидел чуть поодаль лежащую на траве и разорванную почти пополам карту.

– Насколько я помню, около двух с половиной километров. Это если по прямой. Ну а нашими обходными тропами километров пять набегит.

– Значит, через час будем дома, – сказал Марченко.

– Если поднажмем, то быстрее, – ответил ему Шаров.

– Но вы же мокрый... – Лена только сейчас поняла, что отличие от них всех, Шаров и Червяков мокрые до нитки. – Нужно костер разжечь, да немного вам обсохнуть.

– А это идея, – согласился Шаров. – Все равно наш герой сейчас не сможет идти. Давайте час передохнем, подкрепимся, мы как раз подсохнем и примерно... – он вскинул руку привычным жестом и посмотрел на часы, которые несмотря на то, что побывали под водой, продолжали работать.

«Подводные, – с чувством легкой зависти подумал Витя. – Но теперь Червяков их точно не получит».

– Сейчас... тринадцать тридцать семь... – он встряхнул рукой и на лице его пробежала тень озабоченности. – Когда я запустил ракетницу, тоже ведь и было...

– Тринадцать тридцать семь было... – сказала Лена. – Я помню, как вы сказали...

– Неужели сломались?.. – задумчиво произнес Шаров. – И секунды как-то странно себя ведут. Словно... хотят, но не могут переместиться с пятьдесят девять на ноль-ноль, чтобы начать новую минуту... Посмотрите!

Ребята обступили мокрого командира, стараясь подойти как можно ближе и увидеть – что же творится с фантастическими часами «Casio», которые, конечно же, не могли сломаться, потому что японские часы не ломаются.

Витя протиснулся между Леной и толстяком Марченко, загородившем собой весь обзор, встал на цыпочки, вытянул шею и только тогда увидел запястье и электронный циферблат, на котором, словно испуганные, дрожали цифры:

«13:37:59».

Резкий вздох заставил всех вздрогнуть. У Вити от этого звука зашевелились волосы на затылке – ему показалось, будто бы из озера на твердую землю выбралась здоровенная ящерица черного цвета и теперь она вдруг заняла сидячее положение и смотрела на компанию огромными испуганными глазами.

Шаров отступил на шаг. Ребята столпились позади него и молча наблюдали, как Червяков, покачиваясь, словно пьяный, занял более-менее устойчивое положение сидя на тропинке. Потом он медленно повернул голову и взгляд его наткнулся на одноклассников.

Мгновение он о чем-то думал, губы сжались, на лбу проступила грязная морщинка, которая быстро разгладилась.

Витя почувствовал, как Лена нашла его кисть и сжала в холодной руке. Каждый из них понимал, что этот задиристый хулиган своей выходкой чуть не убил их всех, а с другой стороны, на него жалко было смотреть. В глазах Червякова застыл отблеск жуткого, потустороннего страха, будто он стал свидетелем и прямым участником страшного события, в корне изменившего всю его жизнь. Впрочем, скорее всего, так оно и было.

– К...х... – вырвалось из груди второгодника. От этих прерывистых, сиплых, с трудом покидающих часто вздымающуюся грудь звуков Витя похолодел. – К...х... к-какой с-сейчас г-г-год?

Витя посмотрел на Шарова, их взгляды пересеклись и на какое-то мгновение они снова оказались там, на стадионе – один на трибунах для болельщиков, другой – на беговой дорожке.

В глазах Шарова промелькнул страх, и он спешно отвел взгляд.

– Кажется, у него сотрясение, – сказал командир. – Ему может стать хуже. Нужно потопляться.

Верхушки высоченных сосен над ними зашумели и шум этот был протяжным, полным тревоги и грозных предзнаменований.

Глава 3

2010 год

Полумрак палаты никак не рассеивался и хотя со стороны приоткрытой двери в комнату падал приглушенный свет, он все равно ничего не видел.

Вытянув руку, он сделал шаг и когда неясное пятно, которое он принял за шкаф, или занавеску, чуть шевельнулось, внутри все оборвалось. Ноги подкосились и ему стоило больших трудов устоять на месте.

Белое исхудавшее лицо с огромными блестящими глазами застыло прямо перед ним.

– Ты... – услышал он тихий голос. – Ты все-таки пришел?

Виктор не смог ответить, в горле застрял ком, а на глаза навернулись слезы.

– Что... что он с тобой сделал? – прошептал чуть слышно.

Позади раздался шум. В дверях показалась мужская тень и Лена, закрывшись руками, попятилась. На ее лице застыл почти первобытный ужас.

– Нет... – услышал Виктор ее голос. – Только не уколы... Пожалуйста!

Волна ненависти пронзила его, заполнив жаром грудную клетку. Руки горели, точно их облили бензином и подожгли. Виктор медленно повернулся, рассчитывая проломить доктору череп, но позади тут же возник Шаров. Майор положил тяжелую руку на плечо профессора и глядя на Виктора произнес:

– Разборки отложим на потом. У нас минут пять-семь, может быть десять, пока они не взломают двери.

Виктор почувствовал, как на шее бьется тугая жилка.

– Я с тобой еще поговорю, – сказал он медленно.

Инин кивнул, улыбаясь одними губами.

– Конечно. А сейчас лучше делать то, что говорит майор. Иначе...

– А если ты нас дуришь?! Что если все твои слова – ложь, и ты снова добиваешься каких-то своих целей?

Лицо Инина стало непроницаемым. Одни глаза сверкали черными угольками.

– Я бы мог сделать так, чтобы ты не вышел из своей колонии. Легко. Шаров подтвердит.

Майор переступил с ноги на ногу и пожал плечами.

– С вашей должностью вполне допускаю такой вариант. Это не так уж дорого бы обошлось.

– Это нет ответ, – зло бросил Виктор.

Вдруг позади него раздался голос.

– Он говорит правду.

Виктор перевел взгляд с профессора на Лену и удивленно вскинул брови.

– Правду?

– Если мы не поможем сами себе, то не вернемся оттуда, понимаешь? Я знаю. Я видела.

Что-то в ее голосе заставило Виктора поежиться. Может быть, и сообщение для него в одноклассниках и вообще все происходящее – четко спланированная операция сумасшедшего доктора? Но даже если и так... разве не вернулся бы он за Леной, узнав, где она находится? Разве не попытался ее вытащить из лечебницы любой ценой? Получается, что так. Только понятно, что прийти среди бела дня в охраняемую больницу и сказать: «У вас тут случайно Лена Евстигнеева не лежит? Лежит? Тогда не будете ли вы любезны сообщить ей, что у нее посетитель? Не будете? А почему?» – не вышло бы. Возможно, Лена писала ему, зная, что профессор читает ее сообщения, возможно у нее просто не было другого выхода. Или... она

действительно знает... И, если она уверена, что без помощи отсюда, из будущего, их маленькому отряду партизан из 6 «Б» никогда не выбраться из рокового сорок первого... разве не попытается спасти ребят? Он бы сделал точно так же.

– У тебя есть во что одеться? В белом халате ты слишком заметна, – быстро сказал майор. Лена покачала головой.

Инин повернулся боком, посмотрел на майора и сказал:

– Сейчас принесу. В хозпомещении уборщицы оставляют халаты, – не спеша он направился в дальний конец коридора и Шаров пошел за ним.

Виктор понял, что они с Леной остались одни. Он давно репетировал это мгновение, представлял, как оно могло бы выглядеть, что скажет ей, что ответит она – но все слова выветрились из головы. Он стоял как школьник в тот день, когда впервые понял, что не может без нее жить. Тогда это представлялось именно так и с тех пор, он это ясно осознал, ничего не изменилось.

– Витя... – слышался ее голос.

Он вздрогнул.

Она бросилась к нему, обняла за шею. Ее худое тело под белым бесформенным халатом дрожало как осиновый лист.

– Ты все-таки пришел... Я не думала, что ты...

– Лена... – сказал он и больше ничего добавить не смог.

В коридоре слышались голоса Шарова и Инина.

– У нас очень мало времени. Внизу полиция. Скажи, он точно говорит правду? Что случилось там, на этой «Зарнице»... после того, как... Червяков взорвал гранату? Это правда было или просто... провал в памяти? Может быть, нам мозги всем отшибло взрывной волной? Я ничего, до сих пор ничего не помню. Помню только, как ты... – он поднял глаза и увидел ее лицо так близко, что на мгновение онемел, такая она была красивая. – ...как ты обрабатываешь мои царапины...

– Да, – сказала она. – Потом я сунула тебе записку, а ты положил ее в карман. Если бы прочитал, то...

Он покачал головой.

– Нет, это бы ничего не изменило.

– Наверное.

– Нам нужно отсюда убираться. И побыстрее. Шаров хотел арестовать этого... урода. Но... то, что он сказал потом, когда мы разговаривали... и показал карту, на которой были... была моя кровь, он сделал анализ ДНК, – Виктор покачал головой. – Все это как какой-то фильм. Единственное, чего я не могу понять, как мы можем помочь... нам? Ведь мы – здесь, в будущем! Как?

– Он никогда не говорил об этом, – подумав, ответила Лена. — Но из его сеансов и опытов с моим участием я поняла, что существует какая-то возможность... и... – она замерла, глядя на него широко открытыми глазами, боясь продолжать.

В коридоре раздались шаги.

– Ну... – поторопил ее Виктор. – Говори же... сейчас они придут.

– Это связано с тобой. Ты главное звено во всем этом. Без тебя он ничего не мог сделать. Именно потому так сильно хотел заполучить тебя из колонии, но у него, как я поняла, ничего не получилось. Он был очень зол. – Лена поежилась. – В экспериментальной лаборатории почти круглосуточно велись опыты с перспективными больными... – она тряхнула головой, и Витя увидел, что ее длинные русые волосы ниже плеч исчезли. Теперь она носила короткий, почти армейский ежик. Сердце его сжалось от боли, он вздохнул и едва сдержался, чтобы не выкатилась слеза. – ...не могу вспомнить, как называется... в общем больных заставляли представлять не только свое реальное прошлое, но и то прошлое, которого не было. Не знаю,

как это выразить. – Лена вздохнула. – Все это делалось с применением очень сильных препаратов, электрического тока и других приспособлений, типа периодических световых вспышек из лампы, которая светит тебе в глаза сутки напролет... после таких попыток видения начинают становиться пугающими. Видишь то, чего вообще никогда не было... или было, но ты забыл... и чем дольше находишься во всем этом, тем страшнее становится погружение, тем более жуткие образы рисует воображение. И в какой-то момент ты просто перестаешь понимать, где реальность, а где воображение.

– Господи... – прошептал Виктор.

– Да... но и это еще не все. Вкалывая все новые и новые дозы неизвестных лекарств, при помощи странного гипноза он внушал, что можно что-то изменить там, в этом прошлом... и подопытные должны были выполнять его приказы. Эти эксперименты шли волнами – после них он всегда надолго исчезал, видимо проверяя результаты и...

– Убивая людей.

– Да. Часто после его поездок в лаборатории появлялись новые кролики.

– Все-таки, его нужно сдать полиции. Я в этом уверен, – сказал Виктор.

Лена кивнула.

– Я тоже этого хочу. Даже гораздо больше, чем ты, – она внезапно вытянула перед ним худые изможденные руки, рукава халата скользнули вверх и он, увидев исколотые вены, струившиеся черными змейками под фарфоровой, почти прозрачной кожей, в ужасе отпрянул. На сгибах локтей не было живого места. – Но... – она спрятала руки и посмотрела в зашторенное окошко, где сквозь узкую щелку виднелся краешек молочно-бледной Луны. – Тогда... мы больше не увидимся. Никогда.

– Один раз я уже выбрал, – сказал он. – И теперь не отступлю.

Девушка внимательно смотрела на него. Быстрые шаги в коридоре приближались.

– Возьми этот халат, и я нашел резиновые сапоги. Одевайся, – Шаров положил вещи на прикроватную тумбочку и посмотрел на двух молодых людей, стоящих друг против друга. – Надеюсь, за время моего отсутствия ничего не изменилось?

Виктор кивнул.

– Все хорошо. Лена, пожалуйста, поторопись. У нас очень мало времени. Я... вызвал полицию, чтобы они забрали этого урода, но не знал, что все так обстоит... теперь придется быстро сматываться.

– Он мог бы выйти к ним и сказать, что ложная тревога. А эти люди... то есть мы – свои, – сказала быстро девушка, натягивая синий халат.

– Не получится. Перед тем как сюда ехать, я оставил тете Оле, своей соседке подробное описание на случай, если с нами что-нибудь случится, кто такой на самом деле Моцарт, которого безуспешно ищут вот уже сорок с лишним лет и где его искать. – Виктор покачал головой. – Я перестраховался.

– Правильно сделал, – сказал Шаров. – Я бы поступил точно также. Возможно, этот говнюк готовил нам прием по высшему разряду, – он окинул взглядом палату с тяжелой решеткой на окне и покачал головой, – и номера наподобие этого. Сидели бы мы сейчас как подопытные кролики в своих клетках. Ему только это и нужно было, собрать нас вместе. А теперь он вынужден убегать. И уже мы будем держать его в клетке, а не он нас. – Шаров оглянулся, посмотрел на замершего позади профессора, руки которого были надежно связаны пластиковой стяжкой. – Если попробуешь выкинуть финт, как-то на нас воздействовать своими штучками... а мы знаем, что ты это можешь, сразу получишь пулю в лоб. Без предупреждения. Нас трое, мы будем наблюдать друг за другом, чтобы чего не произошло. Понял?

Инин кивнул. В глазах его мелькнул злобный огонек, который тут же погас. Было видно, что Шаров или прав насчет планов профессора, или его догадка попала очень рядом.

– Ты готова? – спросил Виктор Лену.

Она тут же сбросила больничные тапочки и напялила большие черные сапоги.

– Да, я... – она окинула взглядом палату, и Виктор на мгновение почувствовал ее страх. Когда она повернулась, в ее глазах стояли слезы – она быстро вытерла их рукавом халата.

Шаров схватил профессора за рукав и дернул, так что ткань чуть не треснула.

– Давай, веди.

Он мельком взглянул на Лену и слегка вздрогнул, будто бы узнал старую знакомую, которую не видел так давно, что успел позабыть, а может быть даже и похоронить.

– Прямо по коридору, направо до упора. Там будет еще...

– Идем, – оборвал его Шаров. – По ходу покажешь!

Позади, где-то на втором этаже больницы раздался топот ног.

– Медсестра откроет им дверь? – спросил Виктор.

– Нет, я ее запер, она не сможет выйти.

– Значит, будут ломать. Без инструментов это займет минут двадцать, – сказал Шаров.

– У дежурного санитаря есть ключи, – ответил профессор. – Хотя на такой случай существует негласная инструкция тянуть время до упора, чтобы...

– ...чтобы дать тебе скрыться, – закончил за него Шаров. – Знаю я эти ваши инструкции, у подпольных банкиров так же все устроено. Пока шеф делает ноги, охрана вставляет палки в колеса, названивает покровителям и обещает спустить всех собак на бойцов.

Они подошли к железной решетке, отделяющей больничный холл от дверей. На решетке был кодовый замок, профессор быстро набрал комбинацию и потянул за ручку, когда Виктор вдруг положил руку на толстые прутья и толкнул решетку назад. Отрезав путь к отступлению, звякнул электронный замок.

– Ты что?! – опешил Шаров. – Что ты делаешь, дурень? Сейчас начнутся маски-шоу и тогда у нас не будет ни единого шанса!

– Та дверь! Палата... где было написано «Прокопьев Владислав». Мы вернемся за ним. Без него я не уйду.

– Ты с ума сошел! – чуть ли не вскрикнул Шаров. – Раньше надо было думать!

Лена подошла к окошку и осторожно взглянула вниз. На ее лице появились красновато-синие отблески полицейских мигалок.

Виктор покачал головой.

– Когда – раньше?

Майор посмотрел на доктора, который выглядел абсолютно спокойно, будто бы это не ему грозил арест и последующее пожизненное заключение, если конечно, он вообще умудрится дожить до суда.

– Что скажешь? Можем мы забрать этого Прокопьева?

Инин слегка сощурился, будто бы страдал близорукостью, потер руки, сомкнутые стяжкой, и сказал:

– Руки освободи и скажу. Очень больно.

– Еще чего, – ухмыльнулся Шаров. – Ты и так скажешь. А не скажешь, я тебе зубы начну вырывать. По одному. Наверняка у тебя их полный комплект.

Инин спокойно выдохнул, в глазах его не было и намека на страх.

– Я никуда не спешу. Давай приступай.

Воцарилась гробовая тишина.

– Освободите его. Без Шершня я никуда не пойду.

За углом, в дальнем конце коридора раздался удары по перегородке.

Шаров думал секунду, потом чертыхнулся и достал нож. Одним движением он перерезал стяжку и плюнул себе под ноги.

– Говори, гаденыш.

Профессор потер руки, на которых виднелась красная полоса, потом спокойно сказал:

– Его там нет.

– Как?! – задохнулся от гнева Виктор. – Вы врете! Я видел имя на двери и даже диагноз! Инин развел руками.

– Я знаю, что этот парень существует, но я ни разу его не видел. Каждый раз, когда я, казалось, вот-вот должен был найти его – особенно исходя из твоих, Витя, рассказов, он куда-то пропадал. Я приготовил ему палату и документы заранее – но... все тщетно. Я смог его выследить. Я даже не уверен, что он реально существует. Вполне возможно, что он плод твоего воображения.

– Как это – плод?! – не веря своим ушам чуть ли не выкрикнул Виктор. – Вы что, издеваетесь?!

– Нет. Если ты поможешь, мы найдем его. Но я правда не знаю, как и где. Один раз мне показалось, что он следит за мной и я даже видел его около больницы, в беседке, когда проезжал мимо на машине. Остановился, но никого не нашел. Вот и все. А диагноз я заранее ему придумал, чтобы не было вопросов. Пока же в палате совершенно другой человек – с реальной шизофренией. Евгений Картавин, семьдесят второго года рождения. Можем пойти посмотреть, если не верите.

Шаров и Виктор переглянулись.

– Открывай, – сказал Виктор. – Потом разберёмся.

Доктор набрал код, и они быстро покинули экспериментальную лабораторию.

Небольшая лестница вниз, скрытая несколькими дверями, привела их на первый этаж.

– Во двор больницы полиция не заезжала, все машины стоят перед парадным входом. Но может случиться всякое, – сказал профессор. – У мусорных контейнеров припаркован темно-синий Фольксваген-транспортёр. Бак полный. – Он протянул ключи Шарову. – Поведете вы, я так понимаю.

Майор кивнул.

– Ты угадал.

– Поедем левее подстанции через дополнительный выезд. Там есть охрана, но все проверенные, так что нас никто не остановит и вопросов не будет.

– Ты, похоже, все предусмотрел, – сжав зубы, процедил Шаров.

– Береженого бог бережет, – ответил Инин.

– Вас это вряд ли касается, – сказала Лена и взгляды мужчин устремились на нее.

Кажется, она наконец поверила, что находится на свободе. И хоть в глазах ее еще читалась усталость и неуверенность, страх вдруг куда-то исчез, и они горели твердым решительным огнем.

«Как тогда, на озере «Верхнее» – вдруг подумал Виктор. – Точь-в-точь, как тогда...»

– Будем надеяться, что нас не ждут, – сказал Шаров, открывая дверь наружу.

Холодный воздух пахнул в лицо. Он осторожно осмотрелся, потом сделал знак группе.

– Чисто. Бежим! – Он толкнул вперед доктора и потрусил за ним к микроавтобусу.

Виктор автоматически взял Лену за руку, потянув ее за собой. Когда он понял это, то подумал, что сейчас она вырвет свою ладонь, но этого не произошло.

Наоборот, кажется, она была благодарна за помощь.

Быстро открыв двери, Шаров втолкнул кряхтящего доктора в салон, пропустил Лену и Виктора, потом влез сам.

Микроавтобус завелся вполоборота. Однозначно, за поддержанием его рабочего состояния тщательно следили. Приборная панель была начищена – нигде ни пылинки. В самом ее центре разместились три маленьких иконки каких-то святых.

Шаров ухмыльнулся, посмотрел в зеркало на разместившихся в салоне людей. Профессор присел на сидение, расположенное сразу за водительским креслом. Он вглядывался в тем-

ные очертания больницы, и Шаров как опытный следователь, под маской внешнего безразличия угадывал тщательно скрываемое беспокойство.

Виктор и Лена сидели на заднем ряду и выглядели скорее отрешенно, однако Шаров цепким взглядом уловил, что руки их соприкасаются и незаметно улыбнулся. В крови у него бурлило давно забытое ощущение адреналина. Предчувствие опасных приключений будоражило кровь. Но главное, он ощутил, что наконец в конце тоннеля, который был всегда темным и мрачным, появился свет. Точнее, светом эту маленькую, едва тлеющую искорку назвать было нельзя, но все же – это лучше, чем ничего.

Майор надавил педаль газа. Двигатель заурчал и микроавтобус выкатился на широкую площадку перед мусорными контейнерами, сделал полукруг и плавно понесся по темной аллее меж высоких раскидистых пихт.

Виктор оглянулся – зловещее здание больницы удалялось, таяло на глазах словно призрак. Вдруг ему показалось, что в одном из окон третьего этажа, решетка которого напоминала огромного жуткого паука, обхватившего пластиковую раму своими мохнатыми лапами что-то дрогнуло. Следом мелькнула прозрачная тень, тут же растаявшая в наступившей черноте.

– Что там? Что ты увидел?! – тревожно спросила Лена, вглядываясь в его глаза.

Виктор отвернулся от окна, сжал ее руку. Странный озноб лихорадил его.

– Ничего... наверное. Просто показалось.

– Ты не знаешь, куда мы едем? – произнесла она одними губами, стараясь, чтобы доктор, сидящий спереди, не слышал ее вопроса.

Виктор покачал головой.

– Главное, не куда, а откуда. Мы выбрались. У нас получилось!

Лена прикрыла глаза.

– Когда я была там, я постоянно думала, как это произойдет, представляла себе... и... мне кажется... – она быстро взглянула на Виктора и едва заметный тревожный блеск мелькнул в ее красивых глазах, – ... мне кажется, я уже видела все это... здание больницы в ночи, автобус, мчащийся в темноте сквозь пихтовую аллею, наш заклятый враг и маньяк сидит рядом словно ни в чем ни бывало, а за рулем... тот самый командир маленького партизанского отряда б «Б»...

Виктор вслушивался в ее шепот и ощущал, как по спине ползут мурашки.

– Я думала, что так действуют слишком сильные препараты... не может такого быть! Потому что такое даже представить себе невозможно!

– Получается... – тихо ответил Виктор, – ты... видела будущее? Но... что было дальше? Что?

Лена повернулась к окну, и он не заметил, как по ее щеке скатилась одинокая слезинка.

Глава 4

1941 год

Они расположились возле высоченной сосны, под которой скинули рюкзаки и где еще совсем недавно обнаружил себя Витя, совершенно уверенный в том, что пребывает дома, в теплой постели и относительно здравии, кроме побаливающей спины, да содранных рук, – но это его волновало меньше всего.

Теперь же, оглядев сонное озерцо, которое, судя по карте называлось «Верхнее», шумящий сосновый лес и плывущие по небу облачка, он улыбнулся самому себе. Хорошо ведь, что фантазии о доме, вызванные, наверное, взрывной волной и ударом головы о ствол дерева – это просто фантазии и на самом деле он не дома, а там, где и был с утра, где мечтал оказаться чуть ли не с начала четверти – на «Зарнице» вместе с Леной, и не просто вместе, а рядом с ней, в одном отряде! О большем он и мечтать не смел!

Только... как же с тем сообщением, которое он услышал на магнитофонной ленте, где неведомый собеседник говорил, что Червяков будет за ней увиваться и у него состоится разговор возле беседки...

Витя напряг память... что именно сказал незнакомец?

Кажется, что-то вроде... «класс поедет на Зарницу... тебе выпадет шанс... ты будешь держать ее за руку...»

А что потом? Он сжал голову ладонями, попытавшись в деталях вспомнить тот вечер...

«Червяков, будет виться возле нее... тебе нужно просто быть немного смелее. Она боится его... возле избушки, где вы остановитесь на отдых, возьми ее за руку и скажи, что Зенит победит на Чемпионате СССР по футболу. Увидишь, что будет...»

Избушка...

Витя открыл глаза и огляделся. Никакой избушки рядом и в помине не было.

На поляне появился Шаров. Он присел возле лежащего на боку Червякова, проверил пульс, коснувшись тощей шеи двумя пальцами и сказал:

– Скорее всего, в части уже переполох. Возможно, мы и добежать до штаба не успеем, как нас найдут.

– Почему? – спросил Витя, но сразу же догадался. – А-а...

– Ага. Кража боеприпасов, да еще и подрыв, угроза жизни школьников... в общем, мало не покажется...

– А мы-то тут причем? Это он украл, он пусть и отвечает.

– Отвечает всегда командир, – повторил слова Пети Марченко Шаров. – Так что, похоже, никакая спорттрота мне не светит. Кстати... – он обернулся, желая удостовериться, что никого из ребят нет поблизости. – Там... на стадионе... это же ты был? Ты заходил ко мне в раздевалку перед стартом?

Витя почувствовал, как гулко забилось его сердце. Он дернулся, мгновенно взмок и хотел было сказать, что не знает, о чем речь и никогда не был ни на каком стадионе, но по глазам Шарова понял, что этот финт не пройдет.

– Э...э... – сказал он. Внезапно на поляну вылетел разгоряченный Денис, за которым гналась Лиза Ключева. В течение всего похода она вела себя так тихо, что Витя уже и забыл, что они попали вместе в один отряд, как забыл и о небольшом инциденте, если так можно выразиться, у ворот школы, когда он оконфузился с опозданием.

– Отдай, отдай, – кричала она. – Я первая нашла!

Денис в смешных полуразбитых очках резво убегал, не давая приблизиться близко, но и не слишком отдаляясь – было видно, что ему доставляет это удовольствие.

– Крутов! – сидевший на корточках Шаров резко вскочил и одной рукой поймал заложившего рядом вираж Дениса. – Лиза! Что такое? Что ты нашла?

Денис дернулся, взял левее, пытаясь избежать расставленных рук Шарова, очки его соскочились, отчего он стал смешнее прежнего. Витя даже удивился столь резкому изменению в поведении парня. Только что был тихоней и затюканным троечником, как вдруг... может это свежий воздух так подействовал? Или...

И тут до него дошло – Лиза гналась за Денисом, потому что ей это нравилось, ей хотелось бежать за ним! Вот в чем загвоздка!

Как же это так? Отличница, такая правильная, одна из лучших в 6 «Б» по успеваемости и поведению и вдруг... Крутов из «В» класса?

Поймав Дениса, Шаров чуть придержал его, слегка встряхнул, чтобы тот сбросил пыль и развернул лицом к себе.

– Вы мокрый, Илья Андреевич! – взмолился Денис, поправляя смешные очки.

– Отдай, отдай, – подлетела к ним Лиза и едва лоб в лоб не столкнулась с Денисом. Впрочем, она была не против с ним столкнуться. Со стороны это было очень хорошо видно.

– Так! Ну-ка отдай, – строго сказал Шаров. – Если не твое, верни.

– Да это не ее, она нашла на тропинке! – смеясь, произнес Денис и вручил Лизе предмет, похожий на консерву.

– Как тебе не стыдно, Денис... – пожурил его командир. – Отнимать у девушки!

– Да ничего я не отнимал, – Крутов перестал смеяться и показал на банку в руках Лизы. – Она нашла ее там, за пригорком, куда тропинка уходит.

Лиза сжала губы, но промолчала.

– Ладно, – примирительно произнес Шаров. – Что там, покажи.

Она протянула ему банку и подошла ближе.

Моментально вокруг спортсмена образовался кружок. Только Червяков остался лежать на своем месте, впрочем, никто о нем и не вспоминал.

– Так... что тут у нас? – Банка сверкнула на солнце и Шаров сощурился, пытаясь разобрать надпись. – Крабы... – прочитал он по буквам и перевернул банку другой стороной. Там красовался здоровенный красный краб и красивыми латинскими буквами было написано: «СНАТКА». – Это... чатка, так ведь. Камчатский краб? Это же деликатес! – удивленный командир подкинул банку в руках. – Даже в «Цуме» редко такое найдешь... Хм... наверное, какой-нибудь солдат на привале обронил. – Он приблизил банку к лицу и ребята, удивленные не меньше его, вытянулись на цыпочках, пытаясь разглядеть подробности.

– Вкусный, но много не съешь, – авторитетно заявил Петя Марченко. – Папа как-то привез три похожих, я даже одну не смог умять.

– Много ты понимаешь в крабах! – сострил Денис, увидев, как оскорбилась Лиза.

– Конечно понимаю, это же не килька в томате, – хохотнул Петя.

– Погодите-ка... – медленно сказал Шаров. – А тут... что это? – Его губы шевелились, читая текст, расположенный чуть ниже млеющего в собственном соку краба: – Наркомрыбпром СССР. Главрыбсбыт... Какой еще нарком? Цена... три рубля шестьдесят пять копеек... Год выпуска... – Тут Шаров поднял глаза на ребят и его недоумение превратилось в настоящее замешательство. – Тысяча девятьсот сороковой... сороковой, – повторил он. – Это как это – сороковой? В каком смысле?

– Фигня какая-то, – сказал Витя, глядя на банку. Лена стояла рядом с ним и, казалось, тоже была потрясена.

Шаров повертел находку в руках.

– Срок хранения три года, – прочитал он надпись мелкими буквами.

– Может быть она лежит тут уже полвека, – задумчиво произнес Давид.

– И даже не заржавела? – Шаров покачал головой. – Выглядит как новая... Удивительно. Где ты, говоришь, ее нашла?

Лиза повернулась и указала на тропку, петляющую между лесом и озерцом и скрывающуюся за небольшим холмом.

– Возле того куста, справа...

Ребята быстро обыскали куст со всех сторон и прилегающую к нему территорию, но других сокровищ не нашли.

– Ладно, – Шаров подкинул консерву. – Трофей достается нашедшему! – Он протянул раритетных крабов Лизе, но та отстранилась.

– Нет, я одна не буду! Всем по чуть-чуть! Что же я, единоличница какая-то?

– Ну и зря! – тут же вставил пять копеек Петя. – А я бы сейчас съел этих крабов за милую душу. Очень проголодался!

Тут же все почувствовали сильный голод.

Шаров улыбнулся, глянул на ребят и скомандовал:

– Отряд, слушай мою команду! Сейчас быстро собираем дрова, разжигаем костер, сушимся-греемся, перекусываем, приводим нашего хулигана в чувство и летим домой! Усталовка понятна? Заодно попробуем краба. Говорят, на складах стратегических запасов хранится тушенка пятидесятилетней давности. Так что и крабы, вполне возможно, оттуда.

– Хранится-то она хранится, только заполучить ее невозможно, – сказал Марченко. – Поэтому эта консерва не оттуда.

Под сосной застонал Червяков и ребята, вздрогнув, ринулись собирать дрова.

– Далеко не уходить! В пределах видимости! Не забываем про переключку! – предупредил Шаров.

– Как думаешь, откуда эта консерва? – задумчиво спросила Лена, когда Витя нагнал ее.

– Понятно, уронил кто-то. А так как кроме солдат тут никого нет, то ясно кто.

– Вряд ли солдаты питаются крабами, – ответила она. – Это же деликатес. Дефицит. Причем редкий. Как будто не знаешь. Ты видел когда-нибудь такие консервы в магазине?

– Я вообще такие не видел никогда в жизни, – признался Витя.

– Ну вот. В нашем «Гастрономе» только килька, бычки и скумбрия в масле. И то, если повезет.

– Иногда шпроты бывают.

– Ну да. И бананы тоже иногда выкидывают.

Витя промолчал, потому что у тети Оли бананы бывают почти каждый день. Ему вдруг стало совестно, и он твердо решил, когда они вернутся, накормить Лену экзотическими фруктами до отвала. Для этого придется сводить тетю Олю...

Вдруг он вспомнил довольно страшные события, произошедшие на стадионе, и подумал, что вряд ли она в ближайшее время будет интересоваться спортом. Впрочем, существовали и другие способы умаслить соседку.

– Скорее всего, они протухли уже, – сказал Витя, думая о бананах.

– Кто? Крабы? – Оля подняла с земли сухую ветку, затем еще одну.

– Бананы... ой, да, крабы, – быстро поправился Витя.

– А тебе не кажется... – она вдруг остановилась и посмотрела на него. – Что... тут как-то странно. Что-то не так как будто?

Витя замер, поднял на нее взгляд. Еще никогда они не стояли почти в полном одиночестве и тишине так близко друг к другу. В этом тихом сосновом лесу она казалась невероятно, недостижимо красивой. Почти что... ненастоящей. У него заныло в животе.

– Не то? – он с трудом подавил желание подойти и поцеловать ее. – Что... ты имеешь в виду – не то?

– Как-то тихо. Запах... Лес пахнет по-другому. И... – она вдруг бросила сухие ветки на землю и нагнулась. – Смотри! – тут цветет душица! Видишь эти пурпурные лепестки?

Витя присел рядом с ней. Пальцы ее скользили по невысокому растению.

– Понюхай!

Он нагнулся сильнее и прильнул к цветку. Пряный, сладковатый, слегка дурманивший аромат моментально вскружил голову. В горле защекотало и он подумал, что попал в рай – как минимум.

– Очень вкусно, – с трудом выдавил он из себя.

– Да... они очень приятно пахнут. Только... когда мы сюда пришли, их не было.

«Все девчонки помешаны на цветах, – подумал Витя. – Хорошо, что у нас этого нет, а то точно можно было с ума сойти».

Он снова понюхал цветок, желая растянуть момент до бесконечности и насладиться свалившимся на него счастьем сполна. Когда еще он окажется рядом с ней так близко?

– Может быть... ты просто не заметила? После того, как нас оглушило... не до того было...

– Я не могла не заметить, – мягко сказала она. – По дороге сюда нам вообще не попадалось цветов. Уже холодно, и почти все отцвели. Душица из последних. Можно, конечно, еще встретить колокольчики, фиалку или даже золотую розгу, но тут я их не видела. Я ведь собираю гербарий, – сказала она тихо, словно по секрету. – И когда мы прибежали, еще до того, как Чевряков метнул в озеро эту штуковину, отошла в лес, почему и оказалась позади. Решила, пока все заняты, найти какой-нибудь цветок для коллекции. Но кроме сосновых иголок, сухих шишек и сломанных веток ничего не нашла. А тут... смотри сколько! – она поднялась и обвела рукой поляну, буквально утопающую в красновато-пурпурных цветах. Помимо них здесь были еще и желтоватые и белые и даже сиреневые цветки, названий которых он не знал. Не заметить такую поляну было очень сложно.

Витя пожал плечами. Он хотел сказать, что все эти цветы расцвели специально для нее, но не смог. Вместо этого он заметил:

– Ну... я не знаю тогда. Может быть, это другая поляна? Мало ли. В лесу всегда так – кажется одно и то же место, а на самом деле совсем другое. Потому люди и теряются.

– Это та же самая поляна, – чуть повысив голос сказала Лена.

– Ладно, – согласился Витя, почувствовав, что дальнейшее упорство может привести к обиде или даже ссоре, чего сейчас он желал меньше всего. – Бежим! – он поднял сухие ветки. – Мы же за дровами пошли!

Лена покачала головой, нагнулась, подняла пару корявых иссохшихся сучьев.

– Ты мне не веришь, – сказала она с укоризной.

– Верю. Я... я просто совсем... нисколько не разбираюсь в цветах, если честно. Вот ты сказала... а я уже и забыл. Но пахнут... – Витя зажмурился и с шумом втянул лесной воздух, напоенный хвойным ароматом. – Ого-го! Как девчонки помнят все эти названия... ума не приложу!

Лена улыбнулась.

– Душица, фиолетовые и чуть красноватые, это душица! Теперь ты запомнишь! – она пошла рядом и от мелькнувшей между ними тени не осталось и следа.

Витя подумал, что теперь он точно запомнит на всю оставшуюся жизнь – запомнит навсегда и душицу, и поляну и вообще весь этот поход. Каким-то шестым чувством он понимал, что больше никогда в его жизни подобное не повторится и нужно постараться... выторговать у каждой секунды, каждого момента еще больше этих невероятных сладостных ощущений свободы, радости, чувства зарождающего чего-то огромного, трепетного и нежного, чему он пока не мог дать определения, потому что – как ни называй, слова не могли передать всю огромность и важность этого чувства.

– ...Вить, ты чего... обиделся что ли?

Ее слова выдернули его из мечтаний, он встрепенулся и чуть не упал на кочке – смешно изогнулся, как популярный клоун Никулин на сцене, но устоял, балансируя с охапкой сухих веток на одной ноге.

– Осторожно, а то опять придется тебя мазать зеленкой!

Лена стояла рядом – так близко, что у него защемило сердце. Мгновение – и смеясь она побежала к поляне.

Здесь уже тлел небольшой костерок. Шаров воткнул в землю несколько рогаток и повесил поверх перекинутой палки свои штаны и кофту, оставшись в одних синих спортивных трусах.

– А теперь помогите мне раздеть этого оболтуса, – скомандовал он.

Мокрые вещи Червякова тут же оказались рядом с вещами Шарова.

Витя подкинул в костер найденного сухостоя и огонь весело затрещал. Пришлось даже переставить сушилку чуть подальше.

Дым от костра в отсутствие ветра уходил почти вертикально вверх. Петя достал из рюкзака килограмм дефицитных молочных сосисок, покосился на ребят, но решил, что отряд есть отряд, все должно быть общим, в том числе и припасы.

Он протянул пакет Шарову.

– Вот. Можно пожарить, например!

– О-о, какая вкуснятина! Молодец, Петр! Взаимовыручка – основа выживания в походных условиях. Жарить особо не на чем, поэтому давайте тонкие веточки, насаживайте сосиски, а я пока сделаю подставку для шампуров. – И он принялся выстругивать ножом с несколькими лезвиями палочки, которые втыкал в землю. Скоро от костра запахло так вкусно, что Червяков зашевелился, а потом и вовсе поднялся на локте – удивленно уставившись на одноклассников.

– О-ох... – он потер голову рукой, взгляд его переместился ниже. Рука скользнула в карман штанов, видимо он вспомнил о чем-то важном. Не найдя привычной одежды, он обнаружил себя в одних семейных трусах в цветочек, густо покраснел и застыл.

Лиза чуть слышно хихикнула.

– Как голова? – осведомился Шаров.

– Голова? – не понял Червяков. – Какая голова?

– Твоя!

Давид прыснул в кулак, Марченко развел руками – мол, что с него взять, но сделал это незаметно.

– А что с ней? У меня что-то с головой?

Со стороны было непонятно, шутит Червяков или он правда не понимает. И от этого было еще смешнее.

– Фиг с ней, с головой... а вот... где мои штаны? – Червяков приподнялся чуть повыше, теперь он опирался полностью на руку, при этом пошатываясь, словно пьяный.

– Сушатся твои штаны, горе-партизан, – сказал Шаров. – И куртка тоже. И моя – как видишь.

– Да? А что случилось? Мы купались?

И тут уже, несмотря на трагичность произошедшего, ребята засмеялись в полную силу. Звонкие залиvistые голоса разлетелись по лесу и вспугнули пару лесных птиц, сорвавшихся с ветки соседней сосны.

– Даже не знаю, что тебе и сказать, – Шаров взял пару импровизированных шампуров и протянул Лизе и Лене. – Девушки первые, прошу!

Витя достал из сумки полбуханки хлеба, граммов двести вареной колбасы и банку зеленого горошка. Денис вынул пачку зефира, банку говядины и вареную картошку в мундире. Кто-то извлек помидорчики, вареные яйца. Покопавшись в своем рюкзаке, Шаров выудил две плитки шоколада и жареную курицу в шуршащей бумаге. Через несколько минут на импрови-

зировавшем столе стало так тесно, что ветку дефицитных бананов, которые достал Марченко в последнюю очередь – положить было уже решительно некуда.

– Вот это да... – сказал Витя, глядя на походный стол. – Кажется, у меня слюнки текут!

– Не спешим, делим все поровну. Имейте ввиду, что обратный путь всегда сложнее, так что слишком не наедайтесь! – сказал Шаров и обернулся к Червякову, который смотрел на действие голодными глазами. – Ну а ты что сидишь?

– У меня... – вырывалось у него... – у меня ничего нет, я не взял...

– Ничего страшного. Давай, присоединяйся! Да, ребята? Надеюсь, никто не будет против? На мгновение повисла тишина, которую нарушил Давид:

– У кого две одежды, тот дай ему. У кого есть пища, делай то же.

Ребята посмотрели на худенького одноклассника, брови Шарова изумленно взлетели вверх, он покачал головой, но промолчал.

– Конечно, садись с нами, Костя, – сказал Денис, подвигаясь поближе к Лизе. – Давай, сюда, к костру.

– А у меня есть радио! – сообщил Петя. – Сейчас достану... а то сидим в тишине!

Он вскочил, порылся в рюкзаке и выудил оттуда миниатюрный приемник на веревочке, чтобы можно было вешать на руку.

– Меридиан-2, – прочитал Витя на лицевой панели. – А что значит «ДВ» и «СВ»? – спросил он Петю.

– Длинные и средние волны, – важно ответил тот. – Выпущен специально ко дню сорокалетия Победы! Между прочим, он на микросхеме!

– Поэтому такой маленький, – сказал Шаров. – Очень удобный! Ну, включай уже, да давайте приступать.

Зачарованный Червяков смотрел на ребят, будто бы не узнавал в них своих одноклассников.

Петя щелкнул выключателем.

Приемник зашипел. Он покрутил колесико настройки частоты, но не нашел ни одной станции. Только сплошной монотонный гул.

– Да что за ерунда? – Петя удивленно посмотрел на прибор. – Я же включал его в автобусе, когда приехали, и я решил попробовать, будет ли тут что-то ловить или нет.

Он снова повертел колесико, переключил с длинных волн на средние, попытался опять, но ничего не вышло.

– Может батарейки сели? – спросил Витя.

– Новые поставил, чтобы весь день слушать. Не могли же они так быстро...

– А можно мне? – спросил вдруг Червяков.

Петя с опаской посмотрел на одноклассника, видимо просчитывая, что будет, если тому придет в голову метнуть ценную вещь куда-нибудь в озеро, но решив, что вряд ли он сейчас на это способен – протянул приемник.

– Только осторожнее...

– Да я аккуратно, – неожиданно мягко ответил тот. – Не бойсь.

Ребята принялись за трапезу, обсуждая «Зарницу», замеченные интересные штуки и делаясь своими наблюдениями, как вдруг из недр блестящего аппарата вырывался сдавленный хрип, за ним еще один, а потом далекий, будто бы исходящий с расстояния несколько тысяч километров заговорил вдруг знакомый каждому голос:

– ...с 14 на 15 октября положение на Западном направлении фронта ухудшилось.

Немецко-фашистские войска бросили против наших частей большое количество танков, мотопехоты и на одном участке прорвали нашу оборону...

Снова раздался шум и голос пропал. Червяков вскочил, поднял радио над головой, в приемнике что-то булькнуло, но как он ни старался, найти потерянную станцию так и не смог.

Молчание ребят прервал Марченко.

– Я же говорю, выпустили к сорокалетию Победы. Во-от... – впрочем, говорил он это неуверенным, даже слегка растерянным тоном.

Никто не стал отрицать. Суровый голос Левитана еще некоторое витал в воздухе, но, когда они принялись за горячие сосиски, вареную картошку и курицу с яйцами, неведь откуда взявшееся тревожное ощущение пропало.

Все стало как прежде и даже лучше, потому что Червяков впервые вел себя как нормальный человек.

Глава 5

Светлая солдатская столовая с длинными, похожими на парты, столами, была наполовину заполнена разговаривающими вполголоса школьниками. На дальней стене красовалось широкое панно с лесным прозрачным озерцом, затерявшимся в сосновом бору, по берегу которого петляла едва заметная тропка. Густой тростник по правому краю озера был вырублен и в глубину, к воде вели мокрые доски, оканчивающиеся кривыми мостками.

Безоблачное голубое небо дополняло лиричный пейзаж и, вероятно, по замыслу художника, должно было способствовать хорошему пищеварению воинов.

Галина Самуиловна окинула взглядом ребят, вдохнула запах, показавшийся ей очень знакомым, и подумала, что, в общем-то школьная и армейская столовые не сильно отличаются. Эта на первый взгляд была больше и... прозаичнее. Никаких цветочков на стенах, улыбающихся солнышек и растущих из земли колосков. Уныло, пресно и буднично. Единственный цветок – облезлая традесканция, проявляя чудеса выживания в затхлой атмосфере, висела в горшке на правой стене и выглядела словно чудом пробившийся сквозь асфальт живой побег.

Как только она вошла, гул прекратился и головы шестидесяти человек уставились на нее.

Разумеется, ребята были в курсе, что «Зарницу» по каким-то причинам приостановили.

Случилось это довольно неожиданно. Школьники уже распределили обязанности, получили снаряжение в виде раций, сигнальных ракет и деревянных автоматов, выдвинулись на позиции, а сама Галина Самуиловна с двумя помощниками обживала штаб, когда вдруг раздался довольно мощный взрыв. Никто, конечно, не понял, что случилось. Увлечение игрой было так велико, что все восприняли толчок под ногами и пролетевший шелест по верхушкам сосен как важный и неотъемлемый и, разумеется, задуманный заранее для правдоподобности, элемент игры.

И лишь когда запыхавшиеся солдаты нагнали группы школьников, тайно о чем-то шептались с командирами, лица которых поначалу выглядели недоуменно, а потом даже испуганно, стало ясно – что-то явно случилось. И то, как в спешке их определили в столовую, ничего не сказав, как не выпускали из дверей Галину Самуиловну, которую потом срочно вызвал солдат с каменным лицом, – все это говорило о чем-то тревожном и может быть, даже страшном.

Подогреваемые любопытством, ребята шептались за столами. Физрук Альберт Николаевич и военрук сидели отдельно. Николай Николаевич хранил хмурое молчание, а физрук постоянно подшучивал, пытаясь вроде как разрядить обстановку.

Потом школьникам принесли обед: на первое – довольно неплохие щи, на второе – кашу с котлетой и кисель с булочкой. Некоторое время проголодавшиеся ребята молчали. Лишь мерное позвякивание ложек и вилок нарушало тревожную тишину, в которой висел немой вопрос – почему в столовой не все ребята и куда пропали их одноклассники.

Неужели... Никто не осмеливался произнести это вслух.

Когда приехала милиция и черная «Волга» промчалась мимо караульных ворот (об этом доложил Сева Шанцев, который встал ногами на стул и посмотрел в окошко, выходящее на штаб) – стало еще тревожнее. Милиция просто так не приезжает.

Потом Шанцев, дождавшись, когда солдат, стоящий у двери, выйдет, снова влез на стул и лицо его вытянулось.

– Они... там несколько собак и целая группа как в кино, милиция и еще солдаты, тоже с собаками! Побежали в лес!

Он приподнялся на цыпочки, балансируя на краешке стула.

– Побежали в сторону... в ту сторону! – Сева махнул рукой куда-то вдоль стены.

– Шанцев, слезай! Быстро! – окликнул его военрук и ученик неохотно спустился.

– Николай Николаевич, разве вам не интересно?

– Ты в войсковой части! Здесь нет понятия интересно или неинтересно! Здесь все военная тайна, понял, Шанцев?

Военрук, сцепив пальцы рук на замок, сидел в достаточном отдалении и говорил твердым, хорошо поставленным голосом, хотя ребята чувствовали, что волнуется он не меньше, а может и больше других. Губы его были сжаты и слова вылетали изо рта словно пули.

Молодой физрук, Альберт Николаевич, напротив, все время странно улыбался, ерзал, оглядывался – в общем, было видно, что ЧП он предпочитает не замечать, скрываясь за нарочито веселым расположением духа. Это пугало ребят, пожалуй, даже больше, нежели холодная отстраненность военрука.

Девочки шушукались и втайне показывали пальцами на Альберта Николаевича.

– Да он точно принял на грудь, – тихо сказал Андрей Прошкин, крупный парень, занимающийся борьбой из 6 «А». – Зуб даю. У меня батя, когда сто грамм выпьет, такой же.

– Не... – ответил кто-то. – Трезвый он, Проша. Помнишь, была тревога в спортзале в прошлом году, типа возгорание? Тогда еще куча пожарных приехала, а оказалось, что в столовке кипятильник навернулся? Он также себя вел.

– Да-да, – подхватил кто-то сдавленным шепотом. – У нас третий урок был, и мы вместо бега играли в баскетбол, а он носился между нами, как сумасшедший и всех толкал! Вообще ничего не замечал, прямо как сейчас...

– Как думаете, куда делись пацаны? – спросил Олег Митяев, староста 6 «А» класса – паренек с рыжими выющимися волосами, чем-то напоминающий Сыроежкина из «Приключений Электроника».

– Там не только пацаны, – напомнил ему Прошкин. – Вроде, две девчонки еще.

– И бегун этот, как его...

– Шаров.

– Да. Точно. Видели, как он продул недавно? Я по телеку смотрел. Такое ощущение, что кто-то пленку обрезал. Он с хорошим отрывом побеждал, потом – бац! – и уже впереди другой бегун! Как такое может быть?!

Валик Лукьянов пригнулся к столу.

– Только никому не говорите, а я видел, как этот ихний... второгодник, который... пошел в сторону ангара, позади штаба... дверь была приоткрыта, он посмотрел вокруг, а потом туда зашел. Когда же вернулся, явно в кармане у него что-то было.

– Гранату и спер, решил в войнушку поиграть, – сказал тихо Митяев. – Доигрался, похоже.

Они помолчали, рисуя в головах жуткие картины.

– Думаете, их всех – того? – спросил Лукьянов.

– Если в толпе взорвалась, то да, вряд ли кто уцелел, – оглянулся и быстро ответил Прошкин. – Поэтому столько милиции. Теперь вообще неизвестно, когда домой попадем. – Он сделал знак рукой и ребята моментально замолчали. – Тс-с! Классуха 6 «Б» пришла!

Галина Самуиловна выпрямилась, постаралась сделать так, чтобы ее лицо выглядело как обычно, без явных признаков беспокойства или тревоги. Штатский сказал ей, что она должна сделать все, чтобы ребята поняли – никаких внештатных ситуаций не произошло. Все под контролем. Никакой паники, слухов и тому подобного.

– Надеюсь, мы друг друга понимаем, Галина Самуиловна, – сказал он напоследок мурлыкающим голосом.

Она вышла на ватных ногах, кое-как добрела до столовой, постоянно поглядывая на опушку леса и представляя, что вот-вот оттуда появится ее ученики. Но никого не появилось. И теперь она стояла перед ними, с трудом представляя, что можно сказать в таком случае.

– Прошу минуточку внимания. – Голос учительницы повис в тишине столовой. По верхушкам нарисованного тростника на берегу озера прошелся холодок. – В связи... с... тем, что наша «Зарница» была приостановлена, нас временно разместили в столовой... – она оглядела помещение, будто сомневаясь в реальности происходящего. – Сразу хочу сказать, чтобы отменить все разговоры. Ничего страшного не случилось!

– Никто не погиб? – раздался голос, хлестнувший ее по щекам.

Военрук, Николай Николаевич быстро обернулся, желая урезонить вопрошателя, но опоздал. Все сидели тихо.

– Не погиб! С чего вы взяли? – чуть дрогнувшим голосом спросила классная.

– Взрыв! – это сказал Прошкин. Он сидел, расправив плечи и по всему было видно, что именно он – явный лидер в «А» классе.

Галина Самуиловна переступила с ноги на ногу. Не часто ей приходилось бывать в таких ситуациях, и она понимала, что сейчас каждое ее слово будут рассматривать через микроскоп. Скажи что лишнее, и все.

– То, что вы слышали, было учебным взрывом, не имеющим отношение к «Зарнице». Тренировались солдаты на отдаленном полигоне.

– Ну да... а как же собаки... милиция? Я видел их! – Сева Шанцев едва не вскочил со стула, но сидящая рядом Ира Решетова схватила его за рукав пиджака – он почему-то был в школьной форме (вероятно, нечего было одеть что-то другое) и прошипела:

– С-с-сиди тихо, Севка! Дурак что ли?! Сейчас допрыгаешься!

– А чего сразу – дурак? – огрызнулся он, но, решив не испытывать судьбу, тем более что в дверном проеме мелькнула фигура неизвестного мужчины в штатском костюме, неохотно сел на место. – Я просто помочь...

– Как вы уже заметили, среди нас не хватает семи человек. Это, в основном, ученики моего... – учительница осеклась и сразу продолжила: – ...шестого «Б» класса, так уж получилось. Единственный, кто из «В», это Денис Крутов. Руководил группой известный спортсмен, бегун, призер чемпионата СССР Илья Шаров. Опытный тренированный человек...

Послышались приглушенные голоса:

– Куда же они тогда делись?

– И что вообще случилось?

Галина Самуиловна подумала секунду и за это мгновение мыслей в ее голове пронеслось больше, чем бывало за день. Как легко начать врать, а если не врать, то говорить не всю правду, не договаривать, юлить и как быстро эта неправда начинает засасывать, увлекая все глубже. Она вспомнила прищуренный взгляд штатского и ей стало не по себе. Что будет, если дети не найдутся к вечеру? Как она скажет об этом родителям, которые прямо сейчас уверены, что с их чадами все отлично, они под надежным присмотром учителей и защитников отечества занимаются полезным и интересным делом.

«Сидят в столовой под замком и напряженно ждут хоть каких-нибудь объяснений».

И все же, она была уверена, что все обойдется. Поэтому пока могла говорить то, что считала правдой безо всяких сделок с совестью и товарищем в штатском, потому что на данный момент – так оно и было, ребята...

– ...заблудились. Они, видимо, заблудились. Когда прозвучал этот... звук, похожий на взрыв, они могли его неправильно истолковать, подумав, что это сигнал к выступлению. Они побежали на звук и... заблудились. Карта, которая у них есть, описывает всего лишь небольшой квадрат, и выйдя за его пределы они легко могли потерять ориентиры. Поэтому...

– Их ищет милиция с собаками, – подсказала Ира Решетова, сверкнув глазами на Севу.

– Правильно, Ирочка. Леса здесь довольно густые, местами непроходимые. Кое-где болота, заросли, озера и ручьи...

– Почему же нас тогда здесь держат? – царапая ногтем деревянную поверхность стола, задал резонный вопрос Валик Лукьянов. – Да еще и под охраной?

– Чтобы вы не разбредлись по всей части, – повернул голову на звук его голоса Николай Николаевич. – Вам только дай волю и...

– А я все видел, я видел, как Червяков... – Лукьянов осекся, потому что все звуки в столовой прекратились и шестьдесят голов уставились на него. – Он... побежал в лес...

– Да, – Галина Самуиловна кивнула. – Он последним побежал за группой и сейчас их ищут. Никаких сомнений, что в ближайшее время все найдутся и мы спокойно сядем в наши комфортабельные «Икарусы» и поедем домой.

– А если не найдут? – вдруг спросил Шанцев. – Что тогда будет? Мы так и будем тут сидеть до утра?

Учительница похолодела. Она знала, что такой вопрос последует – все же ребята любознательные и вправе строить любые теории, только вот... что будет? – она и сама не знала и предпочитала об этом даже не думать. Такое происшествие сразу выйдет на общегородской, а возможно и более высокой уровень.

«Точнее – уже вышло», – подумала она, чувствуя, как слабеют ноги.

– Найдут, – сказала она, посмотрев в дверной проем, где в темноте маячила фигура человека в штатском. – Обязательно найдут. – Она сделала паузу и продолжила. – А теперь, если кто-то из вас что-то видел или слышал... возможно, были разговоры о том, чтобы... побежать в какое-то особенное место, штаб или... я не знаю, как это называется... чтобы облегчить задачу поисковых отрядов, пожалуйста, вспомните и если есть, что сказать, здесь присутствует старший... – она хотела сказать «оперуполномоченный», но решила не пугать ребят и сказала просто: – Милиционер, который руководит поиском. Ребята, я вас очень прошу. Возможно, ваши друзья сейчас пытаются выбраться из леса и находятся в трудном положении, им нужна помощь!

В дверях показался невысокий, даже тщедушный человечек с холодным рыбьим взглядом. Неприятный и даже отталкивающий, он глянул на ребят, кивнул, как бы представляясь, но заходить внутрь не стал, так и оставшись стоять в темноте.

– Иди, расскажи ему про гранату, – ткнул Лукьянова под столом ногой Прошкин.

– Да ну...

– Иди! Вдруг это важно?

– Что я, стучать буду что ли?

– Только что на всю столовую хотел сказать, а тут стучать! Это важно, вдруг они не знают? – не унимался Прошкин.

Валик нехотя поднялся. Николай Николаевич хотел было что-то сказать, видимо удержать его, но потом махнул рукой. Физрук продолжал блаженно улыбаться.

Валик подошел к классной и что-то прошептал ей на ухо. Она кивнула, показала на дверь и Валик на негнущихся ногах направился туда.

В столовой стояла гробовая тишина.

– Ребята, – повторила Галина Самуиловна. – Поверьте, это очень, очень важно. Даже если вы считаете, что ваша информация или то, что вы слышали или видели, не относится к делу, подумайте. Спокойно вспомните.

Валик скрылся в дверях, в этот момент физрук хихикнул и все обернулись на него. Но он словно не замечал направленных на него взглядов.

«Господи, – подумала Галина Самуиловна. – А я ведь до самого последнего времени мечтала выйти за него... и если бы не «Зарница», так бы и получилось, Бог свидетель...» Вообще-то она была атеисткой, но часто прокручивая в голове те или иные мысли, ловила себя на том, что так или иначе частенько подкрепляет рассуждения отсылками к Нему.

Ну, не будешь ведь говорить: «Партия свидетель», или «О, комсомол...» – смешно даже!

Однако, теперь ей было вовсе не смешно.

Она посмотрела на часы.

14-18.

Дети пообедали, их любопытство немного улеглось, и, судя по лицам и разговорам, обсуждение затерявшейся группы школьников постепенно сместилось на дела более прозаичные – во-первых, вечером должны были показывать футбол Чемпионата СССР «Динамо-Шахтер», во-вторых, в понедельник с утра в школе планировалась важная политинформация по поводу выборов Президента США, которые должны были состояться 6 ноября 1984 года. Разумеется, вся прогрессивная общественность и особенно молодежь СССР следили за этим мероприятием, а президент Рейган, ярый поборник программы «Звездных войн» и «Стратегической оборонной инициативы», конечно, должен был проиграть прогрессивному демократу Мондейлу. Иначе и быть не могло.

Ребята обсуждали, где взять материал и вырезки для политинформации. Не все выписывали газету «Правда», а в «Пионерке» было слишком мало.

И последний вопрос, который волновал особенно девочек – все ли сдадут заполненные за выходные «Анкеты» – своеобразные и красиво оформленные опросники на самые интересные и щекотливые темы – от «Есть ли у тебя домашние животные?» и до самого главного «Кого ты любишь в классе?», ведь времени на ответы, с учетом «Зарницы», получилось меньше, чем обычно и может быть стоит дать больше времени для заполнения?

Часть анкет разошлась между девочками и с этим вопросов не возникало, хотя, как выяснилось, успеют к понедельнику не все. Еще пара анкет попала к ребятам, которые отсутствовали.

Одна была у Вити Крылова и вторая у Пети Марченко.

– У Витьки Ленкина анкета, я точно знаю, – авторитетно заявила Маша Розумова, бойкая девочка с двумя косичками.

– Ого! – ответила ей Надя Самохвалова – теннисистка и хорошистка. – Посмотрим, что он напишет! Они ведь, кажется... – и она закатила глаза.

– А моя анкета у Пети, – сказала Лия Жукова чуть не плача. – А вдруг он ее потеряет теперь?

– Он же не с собой ее носит! – ответила ей Надя. – Не бойся! Скоро придет твой Петя и спросишь его, успеет он до завтра или нет.

– А вдруг не придет? И... ничего он не мой! – покраснела Лия.

– Твой, твой! – не без скрытой зависти загалдели девчонки.

Лия махнула рукой и нагнулась, делая вид, что развязались шнурки на кедах. Ей, конечно, было приятно, что все считают, будто Петя в нее влюблен. Может быть, так оно и было и, разумеется, анкету она отдала ему не просто так.

Из дверного проема показался Валик Лукьянов. Вид у него был какой-то обреченный, словно на спине лежало два мешка картошки.

Он сел на свое место рядом с Прошкиным. Тот положил руку ему на плечо и спросил.

– Ну что? Что там было? Ты им рассказал?

Лукьянов оглянулся на дверь, где в этот момент показалась классная. Вид у нее тоже был далек от спокойного и безмятежного.

– Конечно рассказал! Там все расскажешь! Такой... строгий жутковатый мужик, сказал, что дело государственной важности и болтать нельзя.

– Что нельзя болтать? – не понял Андрей Прошкин и рука его еще плотнее обхватила тщедушного Валика. – Ты нам не расскажешь, что ли?

– Только тихо! – Валик пригнулся к столу, чтобы его не было видно со стороны зорко поглядывающего Николая Николаевича. Олег Митяев и Сева Шанцев склонились тоже и только Прошкин продолжал сидеть как ни в чем ни бывало – лишь немного подвинулся, чтобы

его широкая спина защитила всех остальных. – Я рассказал, что видел, как Червяков заходил в тот ангар. Его не было минут пять, может чуть меньше. Когда вышел, в кармане торчало что-то тяжелое. Явно не зажигалка. Мужик этот, похожий на следователя из «Петровки 38», спросил, были ли в школе разговоры, которые я счел бы подозрительными насчет предстоящей «Зарницы». Ну... я сказал, что нет, конечно. Не скажу ведь я, что мы в туалете обсуждали, что хотели выкрасть пару автоматов и гранат, но это же шутка была.

– Оказалось, что не шутка, – тихо сказал Митяев, тряхнув рыжей головой. – Я говорил, что нужно было его сразу в спецшколу отдавать, этого Червякова. – Теперь хлебнут горя. А ты тоже молодец, трепаться о таком! Черт тебя за язык дернул!

– Я ж не знал! – взмолился Валик чуть не плача.

– Не зна-ал... – передразнил его Олег. – За незнание бьют отчаянно, слышал такое? Сейчас на тебя повесят все это – будешь знать.

– Ладно, помолчи, – осадил его Прошкин и староста, шмыгнув носом тут же утих. – Что еще спрашивал?

Валик обиженно глянул на Митяева и нехотя продолжил:

– Еще... только никому! Совсем-совсем!

Пацаны кивнули и еще теснее сгруппировались вокруг Прошкина.

– Он училку попросил выйти. И тогда начал спрашивать, о чем кроме уроков разговаривают с нами учителя. Как проходят политинформация, какие отношения у учителей, не ругаются ли они, случались ли недавно происшествия в школе, которые... – тут Валик замер и нервно взглянул на товарищей.

– Ну... что?

– Я сказал, что на днях... в общем, помните, менты приезжали? Драка была и до полу-смерти избили парня, сына учителя труда?

– Прокопьев, – подсказал Шанцев.

– Ну да. Тугодум, который. Заика. Я сказал, что Витька его защитил и там было трое мужиков, они почему-то избивали его на территории школы и, если бы не Витька... в общем, следователя это сильно заинтересовало. Он все записывал в книжку и постоянно задавал все новые и новые вопросы...

– А ты и рад... – вырвалось Шанцева.

– Помолчи, а? – резко оборвал его Прошкин.

– Потом напоследок он спросил, хорошо ли я знаю Давида Моисеева. Ну а что мне сказать... он же новенький. Откуда мне знать? Я и родителей-то его никогда не видел и даже не знаю, где он живет. Он тоже все это записал. Так что если он вас позовет, чтобы одинаково говорили...

– Все это не к добру, – медленно сказал Андрей Прошкин. – Мы... должны найти их первыми и предупредить, что их ищут.

Ребята посмотрели на него как на сумасшедшего, но никто и слова не сказал. По авторитету и силе Прошкин превосходил даже Червякова. Единственное, в чем он проигрывал, так это в наглости, но это дело наживное.

– Кто со мной? – он испытующе оглядел ребят.

– Ты с ума сошел? Там на дверях солдат, а во дворе куча милиции!

Прошкин усмехнулся.

– Я уже все проверил. Вон, видите, за раздаточной коридор. В дальнем конце, который не видно со стороны зала – туалеты. В мужском довольно широкое окошко и оно выходит на задний двор, где никого нет. Даю вам три минуты на размышление. Кто со мной?

Первым, не задумываясь, поднял руку Шанцев. За ним – Валик Лукьянов. Чуть поколебавшись, их примеру последовал Митяев.

– Эх, не быть мне старостой, – сказал он.

- А что ты тут делаешь? – вдруг сунулась к ним Ира Решетова. – Вы...
- Идешь с нами? – довольно резко спросил Прошкин.
- Куда это?
- Нужно найти ребят быстрее, чем найдет их милиция.
- Она не задумалась ни на мгновение.
- Иду.

Двадцать минут спустя Николай Николаевич почувствовал неладное и решил, что пацаны курят в туалете. Он поднялся, бросил уничтожающий взгляд на физрука и приказал ему следить в оба. Тот тошнотворно заулыбался.

Когда военрук вошел в туалет, то сразу понял, что вряд ли дослужит, точнее доработает до пенсии. Запаха сигаретного дыма в туалете не чувствовалось вовсе, зато окно было распахнуто чуть ли не целиком и в помещение, разбавляя специфический запах хлорки, врывался свежий осенний ветер. На полу валялись обрывки газетой бумаги. На одном из них крупными буквами было написано: «...СТОРИЯ СНОВА ПОВТОРЯЕ».

Глава 6

2010 год

Микроавтобус подрулил к темной будке, внутри которой что-то шевельнулось. Шаров напрягся. Рука его потянулась к пистолету, однако в этот момент шлагбаум дернулся, резко поднялся и застыл, чуть покачиваясь в метре над автобусом.

Майор вдавил педаль газа и не поворачивая головы пронесся мимо. Впереди аллея делала поворот направо. Когда Шаров выкрутил руль и посмотрел в окошко, то заметил, как на третьем этаже больницы вспыхнули окна, а через мгновение взвыла сирена. У них есть максимум часа полтора, пока не объявят «Перехват». Нужно где-то спрятаться и обдумать, что делать дальше. В конце концов, раз этот маньяк под видом доктора все это придумал, значит у него есть какой-то план, и вряд ли он сводится к простому бегству.

Шаров подумал, что в случае чего, сможет представить дело так, будто он действовал в рамках оперативной необходимости. Разумеется, пока коллеги из уголовного розыска не разберутся, что к чему и его самого не объявят в розыск.

Впрочем – никто не знает, что он с Виктором заодно и априори закон на его стороне. Майор немного расслабился и вздохнул. Пакетик с бриллиантами приятно грел внутренний карман.

Так или иначе, он посмотрит, что именно придумал этот опасный сморчок, а потом можно сдать его в полицию и получить очередную звездочку, премию и всеобщее уважение. Разве это не прекрасно?

С полчаса они ехали по извилистой дороге, пока Шаров не притормозил возле съезда в лес, повернул на узкую грунтовку, проехал метров сто и остановился, выключив фары.

Он повернулся к профессору и внимательно на него посмотрел.

– Ну. Выкладывай. Надеюсь, это реально что-то стоящее, иначе... я не буду долго раздумывать о твоём будущем и доставлю тебя по назначению туда, где тебя ждут давным-давно. И больше мы никогда не увидимся. Разумеется, я постараюсь, чтобы условия тебе создали самые комфортабельные из всех возможных.

Инин чуть заметно прищурился. В темноте его глаза блеснули. Шаров даже подумал, что сейчас старик бросится на него, но силы были неравны. Он мог разорвать тщедушного профессора одной рукой. Хотя кто их знает, этих психов? Бывало, в опорном пункте попадались с виду совершенно хилые экземпляры, но унять их получалось только электрошоком. Потому Шаров чуть отстранился, мышцы его напряглись, и он нетерпеливо мотнул головой, стукнувшись затылком о боковое стекло.

– Черт! – воскликнул полицейский. – Ну давай уже! Скоро дороги прочесывать начнут!

– Пятнадцать километров на юго-запад отсюда за заброшенным элеватором, съезд на проселочную гравийку под знак и шлагбаум. Потом еще километров семь по бездорожью, но сейчас сухо, проедем.

– И что мы там найдем?

Вместо ответа старик нагнулся под сиденье, в темноте что-то щелкнуло и Шаров подумал, что зря он снял с его рук стяжки, потому что сейчас этот сумасшедший хрыч достанет из-под сидения берданку и одним движением пальца размажет его по лобовому стеклу. Выстрела внутри автобуса практически не будет слышно. Виктор и Лена от шока остолбенеют и придут в себя далеко не сразу, а когда придут, то выбраться все равно не успеют, у них не останется шансов и влюбленную пару найдут на кожаном сидении микроавтобуса в неестественных позах с огромными дырами вместо любящих сердец.

Как полицейский Шаров успел все это провернуть в своем сознании и даже отчетливо увидеть – он даже подивился хладнокровности профессора, заодно отругал себя – ведь транспорт принадлежит преступнику и это так естественно, что он будет напичкан оружием и всякими хитроумными приспособлениями, которыми тот может воспользоваться в любой момент.

И когда в руках Инина блеснул неизвестный продолговатый предмет, было уже поздно тянуться за пистолетом. Оставалось отдать должное хитрому и проницательному врагу.

В салоне раздался негромкий щелчок откручиваемой пробки.

– Пить кто хочет? – спросил профессор, держа перед собой литровую емкость с водой.

Шаров почувствовал пересохшее горло, и рука автоматически потянулась за бутылкой. Ему показалось, что Инин усмехнулся.

– Дай девушке сначала, – произнес медленно полицейский.

Профессор повернулся и протянул бутылку Лене. Но та даже не взглянула в его сторону. Тогда бутылку взял Виктор.

– Бери, – сказал он девушке.

– Чего уставился? – зло спросил Виктор доктора. – Давай, рассказывай о своих планах.

Лена взяла бутылку и сделала несколько маленьких глотков.

– Боюсь, ничего сверхъестественного вы от меня не услышите. Наверное, вы себе представляете что-то... странное, может быть какой-то портал во времени, светящиеся круги, завывающие звуки, шумят деревья, разлетаются листья вокруг и гаснет свет во всем районе – так? – Инин повернулся боком и теперь сидел, глядя на противоположное от себя окно, туда, где была раздвижная дверь микроавтобуса.

Шаров пожал плечами.

– Сейчас почти четыре утра. И честно говоря, я думаю, где бы поспать.

– Они тоже сейчас об этом думают, – сказал доктор.

– Кто – они? – спросил Виктор, предполагая, что речь идет о пациентах больницы.

– Вы. Вы, те кто оказались там, – думаете об этом.

Шаров закатил глаза и развел руками.

– Ближе к делу.

– Не так далеко отсюда я выкупил землю с постройками и с тех пор изредка навещался туда, чтобы поддерживать хозяйство в относительном порядке и подкармливать собак...

Шаров с Виктором переглянулись.

– Короче, если у вас нет других планов и вы не брезгуете...

– Ты что, там трупы складировать? – в упор спросил Шаров.

– Я похож на человека, который складировает трупы? – не моргнув глазом, ответил вопросом на вопрос профессор.

– Да.

– Что ж... вам решать. Можно поехать назад в больницу или к кому-нибудь из вас на дачу. Потому что в самое ближайшее время сотрудники полиции начнут проверку по домашним адресам. Это касается особенно вас, Илья Андреевич. А какая картина вырисовывается? – Профессор покачал головой. – Мои охранники скажут, что в больницу проникли двое мужчин, следы взлома дверей подвала это подтвердят, избили до полусмерти нескольких санитаров, испортили имущество, похитили главного врача и одну из пациенток. Не думаю, что у них займет длительное время выяснение ваших личностей – у меня в кабинете, в отличие от остальной части больницы стоят камеры и я включил их, когда вы угрожали мне пистолетом.

От услышанного Виктор едва не задохнулся.

– Ах ты гаденыш! – он начал медленно вставать с заднего сиденья, но Лена крепко сжала его руку и усадила назад.

Шаров с каменным лицом продолжал слушать.

– Я... я записал свои показания относительно тебя... говнюк... – прошипел Виктор, – ... и передал письмо соседке. Она же и вызвала полицию по условному сигналу!

– Ахах! – громко рассмеялся Инин. – Ты хоть вдумайся, что говоришь! Человек, только что вышедший из колонии за убийство, пусть даже по пересмотру приговора, ранее проходивший принудительное лечение в психиатрической клинике под моим руководством, склонный к проявлению шизофрении и бредовых идей, – думаешь, твою писанину будет кто-то читать? И что ты там написал? Что подозреваешь своего доктора в убийствах? Какие ваши доказательства? А у вас их нет.

– Они будут! – твердо сказал Виктор и посмотрел на Шарова.

– Вот когда будут, тогда и поговорим. А сейчас... вращайте барабан, мистер Шаров.

– Куда ехать? – Шаров медленно повернулся на водительском сидении и положил кисть на рукоятку переключения скоростей.

Виктор сжал челюсти.

– Тихо... успокойся... – прошептала Лена. – Мы еще засадим его... Потом.

– Выезжай обратно на дорогу, налево три километра до заброшенного элеватора у реки, там будет съезд и потом вдоль ее левого берега. Дальше я покажу.

Они ехали в полном молчании. Шаров чувствовал, как взмокли его ладони и ему пришлось постоянно отнимать их от руля. Маньяк предусмотрел все до мелочей. Действительно, с утра, когда он не придет на работу, его начнут искать. Сперва не слишком активно, но во второй половине дня забьют тревогу. А когда запись с камер в кабинете, если, конечно, этот прохиндей не врет, попадет в нужные руки, тут же объявят в розыск. Тогда и сказке конец. Ловко придумано. Есть шанс, что ему удастся обнаружить какие-то улики в том месте, куда они едут. Иначе...

– Сюда? – спросил Шаров, кивая на раздолбанную дорожку вдоль поросшей тростником реки, больше похожей на ручей. Места выглядели совершенно заброшенными. Позади на другой стороне чернел полуразрушенный гигантский остов элеватора.

– Да, сворачивай здесь и не гони.

Через триста метров автобус едва не наскочил на поваленное дерево, преграждающее путь.

– Стой! Выходим! – скомандовал профессор. Он встал, открыл боковую дверь и выскочил наружу. Ночная октябрьская прохлада тут же заполнила автобус. Слева и справа их окружал совершенно непроходимый лес, а где-то в отдалении шумел ручей.

– Помоги! – крикнул профессор Шарову и склонился над поваленным стволом.

Втроем они оттащили дерево на обочину.

– Проедешь, вылезай, положим назад.

Шаров удивленно вскинул брови.

– Ты ведь не хочешь непрошенных гостей рано утром?

Еще минут двадцать они петляли по лесу, в полной темноте. Дорожка то сужалась, то слегка расширялась и когда автобус, наконец, уткнулся в покосившиеся стальные ворота с вышкой по правую сторону, Шаров наклонился, практически лег на руль, не в силах произнести ни слова.

Виктор вскочил со своего места, подбежал к лобовому стеклу и уставился на темные колышущиеся тени.

Когда плеча его коснулась рука, он вздрогнул и повернул голову. Позади стояла Лена. Она дрожала, а ее огромные глаза в свете полной луны блестели серебристой влагой.

Первым нарушил молчание Шаров. Голос его был хриплым, почти неузнаваемым.

– Неожиданно.

– Здесь до сих пор запретная зона, – сказал Инин. – Ни одной живой души на многие километры. На картах этого места нет.

В темноте завывала собака или волк.

– Не думала, что когда-нибудь вернусь сюда, – тихо сказала Лена и посмотрела на Виктора. – Ты помнишь? Ты что-нибудь помнишь?

Он посмотрел на нее. Обрывки воспоминаний теснились в мозгу, но были похожи на детский калейдоскоп – пластмассовую трубочку, оклеенную яркой бумагой, с окуляром на конце. Если заглянуть в него и начать вращать тубус, причудливые узоры внутри приходили в движение и начинали образовывать немыслимые комбинации, завораживая, гипнотизируя, заставляя представлять самые фантастические картины... Что из них было правдой, а что – лишь игрой воспаленного воображения... он не знал.

– Я помогу вам вспомнить... – тихо сказал доктор Инин и на этот раз никто не стал ему возражать.

Темнота вокруг стояла такая, что Виктору показалось, будто они находятся в «тихой комнате» – специальном помещении для умирения особо буйных психов. Правда, комната на третьем этаже в экспериментальном блоке отличалась настолько парализующей тишиной, что галлюцинации возникали буквально через пятнадцать минут после попадания в нее. Слуховая депривация – один из самых действенных методов умирения и широчайшее поле для экспериментов. Полчаса такой пытки включали в сознании древнейшие механизмы выживания и рождали настолько жутких монстров, что Виктора передернуло, он с трудом заставил себя не думать об этом.

Он вылез из автобуса, фары которого выхватывали из темноты заросшие сорняком ворота с серо-бурыми от грязи некогда красными звездами. Позади шумел сосновый лес. Виктор вдохнул прохладный свежий воздух, и волна воспоминаний захлестнула его.

Спустя несколько мгновений он почувствовал на затылке теплое дыхание Лены, повернул голову и застыл. В пятнадцати метрах от ворот чернел остов какого-то жуткого монстра – огромный, кривой и покореженный. Словно некая чудовищная сила перемолола и выплюнула этот железный скелет, обглодав все его внутренности и теперь он замер в темноте, высматривая случайно забредших путников.

– Это... – не веря своим глазам, сказал Виктор.

Профессор повернул голову, всмотрелся в темноту и ответил:

– Да... это один из «Икарусов», на которых вы приехали.

– То есть...

– Здесь много чего произошло. Информация о тех событиях до сих пор засекречена, и вы не найдете ее ни в Википедии, ни в обычных архивах. И уж точно, не было ни единой публикации о том, что случилось 14 октября 1984 года. Собственно говоря, часть расформировали именно вследствие тех событий. Не сразу, конечно... было расследование... Ладно. Идем внутрь, а то становится холодно.

Инин подошел к воротам, покопался с навесным замком и после минутного замешательства, открыл его. Раздвинув створки, он сделал знак Шарову.

– Лучше заходи внутрь. Справа за кирпичной двухэтажкой есть старый ангар. Здесь, конечно, никого не бывает, но мало ли.

Шаров не стал спорить. Он быстро завел автобус, проехал на территорию части и свернул к темной громаде ангара. Через несколько минут подошел профессор и открыл замок.

– Загоняй.

Шаров въехал в ангар, осветив фарами огромное и почти пустое пространство. В дальнем его углу было что-то укрыто темным брезентом, у правой стенки стояли несколько черных двухсотлитровых бочек, пара здоровенных ящиков, огнетушитель и пара лопат. Слева он заметил что-то похожее на мотоцикл, по крайней мере из-под наброшенной ткани выглядывало колесо со спицами.

Он выключил зажигание, фары погасли и только после этого почувствовал, что дико, просто смертельно устал. Будь его воля, он бы сложился на водительском сидении и уснул.

В окошко сбоку раздался стук. Шаров встрепенулся.

– Идем, – коротко сказал профессор. Возле него стояла внушительных размеров немецкая овчарка, недобро поглядывающая на майора. – Не бойся, не тронет. – Грета, свои, – коротко сказал он собаке и та, потянув воздух ноздрями, послушно отошла от дверей автобуса.

Они вышли из ангара. Профессор закрыл дверь на замок. Виктор и Лена стояли возле темного кирпичного барака.

– Переночуем здесь. Это бывший штаб части, – сказал Инин. – Казарму наполовину снесли и там холодно. А здесь до сих пор есть электричество.

Они вошли в темное помещение, пропахшее не сыростью, а каким-то безвременьем. Виктор подумал, что, судя по внешнему виду, должно было быть хуже.

Ступая медленно и осторожно по скрипящим деревянным ступенькам, они поднялись на второй этаж. Со стен кое-где свисала бахрома паутины. Раскачиваясь от движения воздуха, она создавала ощущение нереальности происходящего.

Профессор остановился возле одной из дверей, снова достал связку ключей, выбрал нужный и открыл дверь.

Щелкнул выключатель. Неяркий желтый свет двух лампочек осветил продолговатую комнату.

– Я тут был, – вырвалось у Шарова.

– Ну да, – подтвердил профессор. – Это кабинет командира части Васютина. Здесь вы разговаривали с ним о вашем возможном зачислении в спортроту.

Шаров покачал головой.

– Этого я... не помню...

– Разумеется. Потому что... так получилось, что в спортроту вы не попали...

Было видно, что кабинет поддерживали в более-менее нормальном состоянии. У стены стоял старый масляный обогреватель, и Инин сразу его включил. Потом он проверил толстые портьеры на окнах и сел на стул возле окна.

– Ну вот и приехали, – сказал он, вздохнув. – Честно говоря, я до последнего не думал, что... что получится.

Виктор плюхнулся на стул возле стола, рядом с ним в изнеможении села Лена. Они до того устали, что уже почти не обращали внимания на слова маньяка.

Шаров прошел к столу командира части и сел во главе. Так он ощущал себя увереннее.

– В шкафу... там есть холодильник... на полках можно найти «Ролтон», еще что-то. Печенье, замороженный хлеб, ветчину, – сказал медленно профессор. Было видно, что он тоже держится из последних сил.

«Когда он уснет, самое время его прибить и покончить со всем этим, – подумал Шаров, глядя на спутников. Мысли едва шевелились. – Иначе он сам нас порешит. Но все-таки... какого-то хрена он нас сюда привез...»

– Двадцать шесть лет... – сказал Инин. – Прошло ровно двадцать шесть лет. А кажется, что это было вчера...

– Тут кофе есть? – спросил Виктор и медленно повернув голову.

Инин кивнул на шкаф.

– Все там.

С верхней полки Виктор извлек электрочайник. На дне шкафа обнаружил пятилитровую пластиковую бутылку с водой, наполнил емкость и сунул шнур в розетку. Свет в комнате моргнул, чайник издал непонятный звук, но через минуту зашипел и в пустом кабинете, все убранство которого составляла пожелтевшая от старости здоровенная карта Московского военного округа, стало если не уютнее, то уж точно веселее.

– Кому еще кофе? – спросил Виктор, поглядывая на притихшего профессора. Тот пригнулся у стенки и выглядел каким-то жалким. Возможно, сказывалась усталость, возможно, и это ему пришло в голову даже скорее жалости – то, что маньяк снова пытается их обмануть, манипулировать, стараясь зачем-то усыпить бдительность. Но их тут было трое, и вряд ли пожилой человек мог бы с ними справиться, даже учитывая его непревзойденные способности гипнотизера и манипулятора.

Внизу хлопнула дверь и на лестнице раздались шаги.

Виктор поставил пластиковый стаканчик с наполовину налитым кипятком на стол и взглянул на Шарова.

Тот медленно потянулся к пистолету.

– Кто это? – быстро спросил Виктор профессора, но тот лишь покачал головой.

Когда дверь в кабинет начала медленно отворяться, они оставались все в тех же позах. Бежать было некуда. Только Шаров, который достал пистолет, теперь держал его на коленях. Руки его слегка дрожали.

Нервы как пружины были взведены до предела. Если полиция шла по их следу, как они могли не заметить этого? И почему не залаяла овчарка, которая при их появлении сразу же подала голос?

Виктор почувствовал, как напряглись все его мышцы, горло пересохло, а в животе предательски заурчало. Сидя вполоборота к двери, он сжал руку Лены, готовясь защитить ее своим телом.

Никто не мог знать, где они. Абсолютно никто.

Дверь открылась на сантиметр. Виктор слышал дыхание человека позади нее.

Боковым зрением Виктор заметил, что Шаров достал оружие из-под стола и взявшись двумя руками за рукоятку, теперь целился прямо в открывающуюся дверь. Губы его побелели от напряжения.

Дверь приоткрылась еще на пару сантиметров, будто бы человек, стоящий за нею, о чем-то раздумывал или, быть может, готовился к нападению, рассчитывая на легкую добычу.

Затем темная щель стала шире, дверь открылась почти на всю ширину и на свет вышел мужчина.

Глаза его зажмурились от яркого света, он поднял перед собой руку и какой-то судорожной скороговоркой произнес:

– Н...н-нее с-с-стреляйте! Э-ээ-то я... Ш-ш-шершень.

Глава 7

1941 год

– Тишина-то какая... – сказала Лена, откинувшись на толстенный ствол сосны, покрытый шершавыми чешуйками коры. – Нужно почаще вместе выезжать на природу. Не только на «Зарницу», которая бывает раз в год, как думаете?

– Я – за! – быстро сказал Марченко, обгладывая куриную косточку. – На свежем воздухе всегда такой аппетит, что ни возьми – все вкусно. А дома... пихаешь в себя, не лезет, а ты все равно пихаешь, сидя перед телевизором... а потом просто идешь спать. Никакой романтики!

– А ты не пихай, – засмеялся Денис Крутов. Кажется, все его смущение от сломанных очков прошло и, хотя он смотрелся как киношный пират, это ему нисколько не мешало. – Пойди лучше пробегись, отожмись, займись физкультурой! Ты, кстати, зарядку делаешь по утрам?

– Я не успеваю! Только встаю, а завтрак уже готов, какая зарядка... – посетовал сквозь общий смех Петя. Говорил он это с такой серьезностью, что смех разобрал даже Шарова.

Командир слушал ребяческую болтовню и улыбался. Несмотря на серьезное происшествие и возможное, даже неминуемое наказание, настроение у него было хорошее. Он решил, что в случае чего – черт с ней, с этой спортротой! В конце концов, на спорте свет клином не сошелся, есть и другие профессии, такие же уважаемые и почетные, да и заработком не обделенные. А что – спорт? Это пока молодой – хорошо, а потом? Ни опыта, ни специальности, одни травмы и болячки... Работа тренером – так себе удовольствие. Так что... возможно, все это и к лучшему.

Он давно, почти с детства мечтал пойти в милицию. Его привлекала работа следователя, хотя он отдавал себе отчет, что не все так романтично и безоблачно в этой противоречивой и опасной профессии, как рисуют фильмы «Следствие ведут знатоки» или «Петровка, 38». От нескольких товарищей, устроившихся в органы, Шаров был наслышан о весьма неприглядных делах, творящихся там, но это его не останавливало, тем более что никогда не считал он себя принцем на белом коне.

– Так, ребята и девчата... кажется, наши вещи подсохли...

– Эй, – вдруг раздался удивленный голос Марченко от кромки озера. После того, как Денис посоветовал ему отжаться и побегать, он встал и легкой трусцой засеменил вдоль берега. Теперь же парень стоял рядом с высоким, выше человеческого роста высохшим тростником, шелестящим на ветру тонкими папирусными листьями. – Идите-ка сюда!

Ребята вскочили и кинулись к озеру.

– Что? – первым рядом оказался Витя. Он уставился по направлению руки Марченко, не понимая, на что тот показывает.

– Смотри, смотри туда! – снова повторил Петя, покачивая из стороны в сторону головой, будто бы сам не понимал, в чем дело.

– Ну что? – теперь уже рядом появился Денис.

– Я... я же там нашел ракетницу, из которой... Илья... Андреевич выстрелил...

– Ну да... ты нашел, – подтвердил Витя. – Никто не отрицает. Все видели.

– Я не видел, но слышал, как ты кричал, что нашел, – кивнул Денис.

– И я видела, что ты... – сказала Лиза, пристально глядя на Петю. – И что? Что случилось? При чем тут ракетница?

– Смотрите, где доски, под которыми был тот пластмассовый буй? К нему был привязан мешок с ракетницей! Где они?!

– Нет досок, – медленно сказал Витя.

– И буя нет, – растерянно протянула Лиза.

– Может быть, ты что-то путаешь? – сказал подоспевший Шаров, разглядывая берег, утопавший в сухом тростнике. – Дальше там смотрел?

– Я пробежал весь берег – от оврага до... – он показал рукой на левый изгиб озера, – и там тоже нет. Нигде нет...

– Мостки с той стороны, вон они, – раздался голос Червякова, который взобрался на холм и смог увидеть другой берег озера.

– Ерунда какая-то, – медленно сказала Лиза. – Может быть, взрывом снесло их... – она покосилась на Червякова, но тот не слышал ее слов, зато их слышали остальные.

– Да нет... – Шаров подошел к берегу и присел. Он опустил руку в воду, пошевелил пальцами и по воде пошли мелкие круги. Юркие мальки бросились врассыпную. – Такое ощущение, что здесь не было никакого взрыва. Смотрите, целый сухой тростник...

– Это не тростник... – прервала его Лена.

Шаров посмотрел на нее обескураженно.

– Вы правы, – сказала она. – Взрыва не было. И это не тростник. Это рогоз. Видите коричневые длинные початки, похожие... ну в общем вы поняли, на что... так это рогоз, которые многие путают с камышом.

Ребята не отрываясь, смотрели на Лену. Кто-то, кажется Давид, присвистнул.

– Я всегда думал, что с коричневой штукой наверху – это камыш...

– И я...

– И я...

– На озере, когда мы приехали сюда, не было никакого рогоза, ни одного!

– Подтверждаю, – баском проговорил Червяков, спустившись с холма. – Помните, я начал рубить палкой этот камыш... это был действительно камыш, или осока какая-то высокая, но она точно была без этих говняшек сверху. Иначе бы я сразу захотел поджечь одну из них, они классно горят!

– Черти что... – медленно произнес Шаров. – Но не может же такое быть, что... Вероятно, ты все же не заметила? – он посмотрел на Лену и тут же пожалел о своем вопросе. – Ладно... не злись. Я все понял. Ты можешь отличить камыш от... как его...

– Рогоза и... я вообще знаю наизусть двести видов растений нашего края.

– Она победительница городской олимпиады по ботанике, – вырвалось у Вити.

Брови Шарова взметнулись к переносице.

– Да уж... – сказал он. – Рогоз рогозом... но где же буй?

– Буй – это еще полбеды... – сказал негромко подошедший ближе Давид. – Где ракетница?

Шаров похлодел.

И хоть ракетница не относилась к огнестрельному оружию, ее потеря была уже только на его совести.

Он похлопал себя по карманам, оглянулся.

– Так... Мы стояли здесь... правильно? Вот в этом кругу, потому что...

– Потому что вот эта сосна... которая стала как будто в два раза ниже, была ровно позади нас, – сказал Витя.

– Я выстрелил, граната полетела в озеро... я заметил ее в последний момент и толкнул стоящего передо мной Костю вперед... и бросился на него... потому что именно он принял бы на себя... – Шаров посмотрел на простиравшийся перед ним берег озера.

В том месте, откуда они вылезли, была поломана трава и уже высохшая черная грязь покрывала пологий склон. И все.

– Может быть ракетница отлетела в озеро... – он покачал головой. – В любом случае...

– В любом случае, рогоза тут нет, – сказала Лена. – Зато есть целая лужайка цветущей душицы.

– Что? – спросил размышляющий о чем-то своем Шаров.

– Да нет, это я так... – ответила она.

Они вернулись к костру, Шаров быстро нацепил высохший спортивный костюм, заметив, что Червяков уже оделся.

– Так... – сказал командир. – В походе случаются всякие вещи, и опытные туристы должны быть готовы к этому. Иногда барахлит компас, не зажигаются спички, в лесу чудится всякое... это нормально. Я вам даже больше скажу... порой может происходить такое, чему, кажется, объяснения и вовсе нет. Но... – он сделал паузу, – стоит прийти домой, отдохнуть, перекусить, восстановить силы, и потом в ходе обсуждения с опытными, бывалыми людьми, все встает на свои места и каждый загадочной детали находится свое рациональное и до смешного простое объяснение. Не раз был тому свидетелем.

Лена покачала головой, но ничего не ответила.

Недоеденные припасы быстро рассовали по сумкам, костер залили водой из озера, тщательно прибрали за собой мусор, чтобы не осталось ни одной бумажки, ни одной спички.

– А краба так и не попробовали! – вдруг сказал Петя. – Хотя, зуб даю, что он уже протух. Кстати, где он?

Ребята начали оглядываться, рыться в уже уложенных сумках, когда Марченко спохватился:

– А-а! Я же случайно себе его положил! Пардоньте! – он вынул банку и протянул ее Лизе. Та отрицательно покачала головой.

– Ты взял, ты и понесешь.

– Ну как хочешь, – вздохнул Петя и положил консерву назад в темно-синюю сумку с белыми буквами «ДОСААФ СССР».

– Вот же пройдоха, – вполголоса сказал Давид, скатывая кусок грубой ткани из льна, который служил скатертью.

Витя оглянулся на товарища и кивнул.

– Он с первого класса такой, не обращай внимания.

Шаров потоптался по костру, выпрямился, снова все проверил, убедившись, что главное – чистота и порядок соблюдены неукоснительно, и только тогда оповестил ребят:

– Отряд, слушай мою команду!

Витя подумал, что бежать сейчас ему будет довольно тяжело – после обеда чувствовалась усталость, ноги были ватными, да и голова гудела так, словно он выходил из школы после пятого урока.

– За мной в свободном порядке шагом марш!

– Уфф, – вырвался у Лизы вздох облегчения.

Командир в последний раз окинул взглядом озеро, видимо отмечая, что будет писать в отчете об инциденте с гранатой и пропавшей ракетнице и отряд двинулся назад по тропинке вдоль ручья...

– Интересно, сколько уже времени? – то ли спросил, то ли сказал Шаров, вглядываясь в лесную чащу. Тропинка, которой полтора часа назад они бежали по дну оврага как-то незаметно стала ровень с уровнем земли, словно никакого оврага и не было.

– Черти что, – снова сказал Шаров, ступая пружинящим шагом по мягкой, похожей на спортивный мат, земле.

– Стойте! – вдруг раздался голос Дениса. – Стойте же!

Отряд остановился и все обернулись. Денис немного отстал, он оказался даже позади Червякова, который шагал без особого энтузиазма, предчувствуя неминуемый шухер по приходу на базу.

Крутов стоял на едва заметной тропинке и что-то тряс у глаз, отводил, смотрел, потом снова тряс. У его ног валялся открытый наполовину выдавший виды туристический вещмешок.

– Что случилось, Денис? – обеспокоенно спросила Лиза, которая тут же подошла к нему.

Он посмотрел на Лизу и удивленно произнес:

– Они стоят! Я с утра завел их, чтобы знать время, но они стоят, хотя завода хватает на сутки! Показывают тринадцать... – он всмотрелся в скачущую туда-сюда секундную стрелку: – тридцать семь... почти тридцать восемь... Что за фигня?

Витя вдруг вспомнил, что, выбегая из дома, схватил отцовские командирские часы и положил их в нагрудный карман куртки, поближе к сердцу.

Хлопнув себя по груди, он почувствовал твердую выпуклость и выдохнул.

– Слава Богу, не потерялись... – вырвалось у него, и он тут же покраснел, хотя и сказал это совсем тихо. Он слышал иногда, как мама говорила так, когда что-то чудесным образом получалось, хотя по всему получится не должно было. Не пристало пионеру говорить такие слова, да еще и в походе, – шикнул внутренний голос.

– Они не потеряются, – тихо сказал Давид, который стоял в полуметре, и конечно же, расслышал его слова.

Витя расстегнул пуговицу, извлек часы со светящимися стрелками – предмет зависти одноклассников и посмотрел на стрелки.

– Тринадцать тридцать восемь... почти... – сказал он, уставившись на Дениса. – У тебя тоже?

– Ага! Вот, смотри!

Они расположили часы рядом, и все увидели, что стрелки на них буквально точь-в-точь повторяют движения друг друга, будто бы их кто-то или что-то насильно удерживало на этой отметке.

– И у меня... столько же... – сказал медленно Шаров.

– А что тут необычного? – послышался голос Марченко. – Был сильный взрыв, видимо из-за него создались помехи. Вот и встали ваши часы. Только и всего.

– Они механические... – сказал Витя. – Какие еще помехи?

– Ну мало ли... ударная волна, например, повредила механизм, когда ты падал. Такое может быть?

– Ну в принципе, он прав. Такое возможно, – ответил Шаров. – Я, конечно, никогда не слышал, чтобы «Командирские» часы останавливались от падения, они же противоударные, в отличие от моих.

В глубине леса что-то треснуло, быстрая тень мелькнула в зарослях и тут же скрылась.

– Кто это?! – испуганно спросила Лиза.

– Олень... или... да мало ли кто... это же лес... Все, идем ребята! Хватит нам на сегодня загадок, пора выбираться отсюда, – Шаров еще раз бросил взгляд на Дениса, который сунул часы в сумку, потер виски ладонями, затем взвалил свой мешок на спину.

Минут пятнадцать они шли вдоль ручья, служившего единственным ориентиром, потому что тропка пропала, овраг тоже исчез и оставалось только догадываться – куда они подевались и куда вообще идти.

– Мы же где-то тут рацию спрятали, – сказала вдруг Лена, оглядываясь. Они наконец вышли на некое подобие развилки, где среди других росла сосна, весьма похожая на ту, что недавно покорил Витя.

– А вот и яма, куда мы ее засунули! – оповестил всех Денис.

Витя подошел к дереву и тронул кору.

– Кажется, это другое дерево. То было гораздо... толще. Да и сучок, на котором висела сумка, где он? Нет, это не оно.

Лена поджала губы.

Шелест веток заставил их оглянуться. Денис руками разгреб почти невидимый лаз и, встав на колени, засунул внутрь голову.

– Смотри, медведь откусит твою башку! – бросил Червяков, переминаясь с ноги на ногу. Через пятнадцать секунд, весь в хвойных иголках и сухих веточках с травинками показался Денис.

Стоя на коленях, он развел руками.

– Нет! Ее там нет... – повторил он. – Но как же так, я же сам ее засунул в эту дыру. Он оглянулся. – Вот, смотрите, ровно позади меня дерево, я еще подумал, что легко отыскать будет. Примерно пятнадцать шагов...

Шаров почувствовал, как предательский холодок пробежал по спине. Рация – это не ракетница, хотя ракетница – тоже серьезная шутка. За военную рацию могут и под суд отдать.

Он оглянулся и словил странное чувство: место одновременно было и похоже не похоже на то, где они нашли рацию, передали радиogramму, а затем спрятали ее. Оно выглядело иначе, но, несомненно, оставалось тем же самым. Будь он в компании рыбаков или охотников, можно было бы предположить, что мужики хвятили лишка, перебрали, но сейчас, разумеется, он был абсолютно трезв. А ребята и подавно.

Еще и эти часы... Причем, все трое одновременно остановились на одном и том же времени... Нет, это точно какая-то ерунда.

Шаров посмотрел на верхушки деревьев. Тихое, почти безоблачное голубое небо. Легкий ветерок. А ведь обещали к вечеру дождь, – вспомнил он утренний прогноз погоды. Когда они выбегали от части, было пасмурно.

А за рацию, несомненно, влетит по первое число. Если, конечно, это не какая-то шутка или баловство школьников, которые могли проследить за отрядом «партизан» и умыкнуть ее, как...

– Думаю, разведчики из других отрядов захватили трофей и теперь празднуют победу, – сказал он уверенным тоном, глядя на обескураженного Дениса.

– Я никого не видел и не слышал, – ответил ему Давид.

«И я, и я», – послышались голоса со всех сторон.

– На то он и трофей, чтобы незаметно. Наверняка, за нами шли по пятам, чтобы вывести маршрут и секреты, а мы и прошляпили. Вот почему в лесу всегда нужно быть начеку.

Витя с Леной переглялись.

«Сказать ему?» – вопрошал ее взгляд. Витя кивнул. Наверное, сейчас самое время. Командир должен знать.

Они одни с ней знали тайну, что никакой радиogramмы не было. Точнее, она была, только совсем другого содержания, нежели требовало задание «Зарницы». И сейчас их должны были разыскивать всем личным составом воинской части. Потому что, разумеется, радиogramму приняли и расшифровали. В этом он не сомневался.

И не успел Витя моргнуть, как Лена оказалась рядом с Шаровым, встала перед ним и глядя на мужчину широко раскрытыми глазами, сказала почти шепотом, хотя слова ее прозвучали словно гром среди ясного неба:

– Я не передала ту радиogramму. Извините меня. – Она оглянулась на Витю, ища поддержки, он подошел к ней и взял ее за руку. – Теперь из-за меня мы проиграем...

Ошеломленный Шаров смотрел на нее непонимающим взглядом.

– Как это... что не передала? Какую радиogramму?

– Вы забыли? По условиям «Зарницы» я должна была передать координаты для артиллеристов. Но я этого не сделала. И теперь мы, конечно же, проиграем. Да еще и рация исчезла...

– Координаты? – Шаров, похоже не сразу понял, о чем говорит школьница, но, когда до него дошло, он, кажется, слегка выдохнул. Эта оплошность его не сильно расстроила, и он даже улыбнулся.

– Не смогла? Ничего страшного, поверь мне. Тут вообще мало кто знает азбуку Морзе. Я вот только знаю, как передать сигнал СОС... Три точки, три тире, три точки...

Ребята заулыбались.

– Никто же по-настоящему бомбить не собирается, так что успокойся, Лена. Это просто игра. – Слово «игра» он произнес с явным облегчением.

– Нет, – твердо ответила она. – Это не просто игра. Вы теперь думаете, что я стучала какую-то галиматью? Но я отлично знаю азбуку Морзе. Даже если разбудить ночью, смогу передать что угодно.

Шаров слегка изменился в лице.

– Не понимаю. Так в чем же тогда дело?

Лена переступила с ноги на ногу и сильнее сжала Витину руку.

– Я передала сигнал СОС.

– Что? – Шаров мотнул головой, словно отказываясь верить в услышанное. – Какой еще СОС? Ты о чем? Что случилось?

Краем глаза Витя наблюдал за поведением Червякова, но тот находился в расслабленном состоянии, хотя каким-то шестым чувством Витя понимал, что может произойти. И заранее приготовился, сделав незаметный знак Давиду.

– Я попросила помощь и передала квадрат, в котором мы находились.

– Попросила помощь? Лена... Зачем?

Лена покачала головой.

– Я не могла поступить иначе. Извините меня...

Наступила тишина, которую нарушал лишь далекий неясный и тревожный гул, словно высоко в небе летел огромный рой пчел или ос. Внезапно потемнело и Шаров сразу не понял – это вдруг испортилась погода или потемнело у него в глазах. А может быть – и то и то.

Глава 8

1941 год

Лена скользнула взглядом по одноклассникам, замершим в ожидании ее слов.

– Я... я заметила, как он что-то прячет. Мне показалось, это была... – она не сказала «граната», но все поняли, что имелось ввиду. – Я почти сразу догадалась, что он хочет сделать, но, может, я ошибалась. Поэтому не сказала вам.

Шаров оглянулся на Червякова. Тот продолжал стоять возле сосны, насвистывая популярную мелодию из репертуара Валерия Леонтьева.

«Был светофор зеленый... А потому, потому, потому, что был он в жизнь...»

– Ясно... – медленно произнес Шаров. До него медленно начал доходить смысл ее слов. Опасность миновала и все вроде бы целы... но... если она действительно передала сообщение, что им угрожает опасность, а он был в этом уверен, их должны были найти как раз на стоянке возле озера. Однако никаких следов поисков, голосов, треска веток под ногами рыскающих по лесу людей никто не слышал.

«Возможно, рация неисправна, – мелькнуло у него голове. – Или девочка ошиблась в частоте, настройках рации... все что угодно может быть. В конце концов, аккумуляторы разрядились. Однако, как в части могли не услышать взрыв? Да тут уже весь имеющийся командный состав должен был быть, а еще милиция, да партийное начальство...»

Шаров развел руками.

– Чем быстрее мы вернемся, тем лучше. – Он кинул быстрый взгляд на Червякова, который был явно не согласен с этим утверждением.

– Что-то у меня голова сильно болит... – тихо сказал Денис, стоящий чуть в сторонке. – И тошнит...

Вид у него и правда был страдальческий. Это, не считая разбитых очков.

– Сильно болит? – Шаров подошел к нему и взглянул в глаза. Зрачки парня были сильно расширены.

– Ага... – простонал тот. – Еще в ушах какой-то звон...

– Похоже на легкую... – Шаров хотел сказать «контузию», но решил не пугать школьника. – ...легкое сотрясение. Наверное, когда ты упал в овраг, ударился головой. В общем... давайте ребята, двигаемся. Денис, дай твою сумку.

Шаров взял у Крутова выдавшую виды спортивную сумку и, прислушиваясь к окружающим звукам, они пошли по узкой тропинке. Замыкал отряд Витя, Лена шла рядом с ним, а перед ними плелся Червяков, который продолжал что-то насвистывать, будто происходящее его вовсе не касалось.

Прошло минут двадцать пять ходьбы. Ребята ощутимо подустали, Денис все время тихо постанывал, и Лиза беспокойно поглядывала на него, слегка поддерживая парня за локоть.

– Ты прямо как настоящий партизан, – пыталась подбодрить она его и в ответ Денис слабо улыбался, точнее кривился. В другой раз он, конечно, был бы бесконечно счастлив такому проявлению заботы со стороны отличницы из параллельного класса, но теперь он просто ковылял, борясь со вспышками боли в голове.

– Кажется, где-то тут слева уже должна быть избушка, – произнесла она вполголоса. – Та, где штаб... и Галина Самуиловна... – она пожала плечами. – Сейчас бы немного передохнуть...

Шаров слегка замедлился. Достал карту и компас, сверился, кивнул.

– Все верно. Уже рядом. – Он показал на крестик, нарисованный на карте. Рядом было написано слово «ШТАБ». – А мы – вот здесь, – ткнул он пальцем в пунктирную линию, повернувшую направо от ручья.

Вдруг какой-то далекий гул – высокий, непрерывный, от звука которого стало жутковато, долетел до каждого из них. Витя почувствовал, как по спине побежали мурашки. Он быстро оглянулся на друзей. Реакция каждого из них была в точности такой же. Лена застыла в каком-то оцепенении. Лиза поднесла руку ко рту, словно боялась вскрикнуть от страха.

– Что это? – хрипло произнес Петя.

– Чего, испугались, малявки? – бравурно гоготнул Червяков. Однако по его глазам было заметно, что его реакция – обычное позерство, желание отвоевать хоть капельку уважения у более младших одноклассников. – Это наши «Миги» с Кубинки полетели, не ссыте!

– Червяков! – осадил его командир. – На твоём месте я бы помалкивал. Если ты хоть раз слышал, как звучит двигатель Мига, не позорился бы... – Шаров хлопнул себя по бедрам, видимо от досады и злости. Неумный хулиган начинал действовать ему на нервы. «Где же эта чертова часть?» – подумал он, вслушиваясь в неясный гул, источник которого определить было трудно. С одной стороны, воскресенье, выходной день, – все должны отдыхать. С другой – это Москва, а значит – крупнейший промышленный и транспортный узел страны. Гудеть могло что угодно и где угодно на совершенно законных основаниях.

Но все же неопределённость его пугала. Все эти странные события, наложившиеся к тому же на серьёзную хулиганскую и даже противозаконную выходку, которой наверняка заинтересуется и командование части, и милиция и, даже возможно, более всесильные органы – заставляли его нервничать. Происшествие такого масштаба могло повлечь за собой окончание не только его, Шарова, спортивной карьеры, но и стоять должности, а то и свободы, командиру части и даже более высокопоставленным командирам. Головы точно полетят, в этом сомнений не было.

Обо всем этом развязный Червяков даже не подозревает. «Интересно, кто его родители?» – подумал Шаров, указывая ребятам в сторону как будто расширившейся лесной просеки, посреди которой по странному стечению обстоятельств не тянулись линии электропередач, которые так часто встречаешь в подмосковных лесах.

– Нам туда, – сказал он уверенно и вдруг увидел метрах в ста мелькнувшую тень. Это был мужчина в темной одежде, который, опираясь на длинную палку, быстро пересек просеку слева направо, и тут же скрылся за деревьями. В самый последний момент перед тем, как скрыться, он бросил быстрый взгляд в их сторону. Шаров был в этом уверен. Однако не остановился, не дождался, чтобы спросить, куда держат путь ребята, может нужна помощь – в лесах обычное дело, когда туристы, грибники, да и местные тоже – помогают друг другу.

– Вы тоже его заметили? – сказал Давид, глядя на Шарова.

Тот кивнул.

– Но это же был не военный...

– Может кто-то из гражданского персонала, мало ли. Давайте поторопимся. Мы уже близко.

Он прибавил шаг и ребята, воодушевленные скорым окончанием трудного путешествия, бодро зашагали за ним.

Когда, наконец, они добрались до тропки, пересекающей просеку, мужчины и след простыл. Шаров мог поклясться, что тот видел их – слишком уж заметно они выделялись на фоне леса, даже несмотря на преимущественно темный цвет спортивных костюмов. Лишь у Лизы была темно-красная куртка и такая же красная шапочка.

– Он пошел туда, – показал Шаров рукой налево и через пять минут, пиная шишки, смеясь и болтая, они вышли на опушку леса. Несколько довольно больших изб за покосившимися изгородями замерли буквально в пятидесяти метрах.

Даже издали было видно, что окна заколочены крест-накрест, а сами дома производили странное гнетущее впечатление. Темные, погрузившиеся в землю, они, тем не менее, однозначно были жилыми, потому что темная рыхлая земля выглядела обработанной. Редкие беледые стебли ботвы, раскиданные то тут, то там, говорили, что на большом поле перед ближним домом еще совсем недавно росла картошка.

Он сделал взмах рукой и ребята остановились, разглядывая дома с таким видом, словно перед ними приземлились две летающие тарелки. Лишь у Дениса бабушка жила в деревне, и он знал, как выглядит деревенский дом, но ему было не до того. Обхватив голову руками, он тихо постанывал.

За ближайшем домом мелькнула тень. На миг показалась половина человеческого лица и тут же скрылась. Зашуршали быстрые шаги.

Шаров сбросил сумки на землю.

– Стойте тут, – скомандовал он ребятам и на удивление легко припустил по утоптанной дорожке. – Эй! – крикнул он. – Подождите!

Однако, когда он добежал до угла дома, то увидел, что мужчина, – это был, несомненно, тот же самый человек, который встретился им в лесу, наутек бросился в чащу. Шаров дернул было за ним и легко догнал бы, но пробежав метров пятьдесят остановился. Бросать ребят он не мог.

– Эй, стойте! – крикнул он вдогонку. – Где найти воинскую часть? Мы потерялись!

Но в ответ ему раздался лишь треск ломаемых сучьев и невнятное бормотание.

– Черт! – выругался Шаров. – Черт! Черт! – никого рядом не было, и он позволил себе выпустить пар.

Тем временем гул со стороны леса продолжал давить своей монотонностью и какой-то неотвратимостью. Что это могло быть? Он напряг слух и ему показалось, что где-то очень далеко слышны будто разрывы и земля... словно содрогается. Он вспомнил, что раньше, когда мама читала ему сказки на ночь, богатыри прикладывали ухо к земле, чтобы точнее понять, откуда идет враг и только подумал попробовать сделать так же, как позади появился Витя.

Глядя на Шарова тревожным взглядом, он спросил:

– Ну что? Где он?

Шаров помотал головой.

– Убежал в лес. Я не успел его догнать.

– Убежал? Он что, нас испугался?

– Конечно, – ответил Шаров. – Если он незаконно проник на территорию воинской части, это преступление.

Витя посмотрел на избушки, из труб которых, кажется, еще вчера шел дым.

– А откуда тут дома, если это территория воинской части?

Шаров не знал, что ответить. Он и сам хотел бы знать.

– Бывает, что на территории живут люди. Лесники, старожилы... их не выгоняют, если они не мешают.

– Я про такое первый раз слышу, – признался Витя.

Шаров хотел ответить, что он тоже никогда о таком не слышал, но вместо этого коротко сказал:

– Идем. Нельзя бросать основной отряд.

Когда они вернулись, последовали те же вопросы и Шаров ответил все то же самое, что сказал Вите.

– Пойдем посмотрим, что в этих домах, – вдруг предложил Червяков.

– Это же чужое, нельзя! – строго ответила ему Лена.

Тот скептически усмехнулся, но настаивать не стал.

– А зря, – ответил он, посмеиваясь.

– Пять минут передышка и пойдем по этой дороге. Судя по карте, сделали небольшой крюк и вернемся с обратной стороны части, – сказал Шаров.

Они напились воды, еще раз подивились старым и очень странным домам и тут Витя хлопнул себя по лбу.

– Ой, пацаны, я же совсем забыл!

Он и правда со всеми утренними волнениями забыл, что положил в сумку фотоаппарат «Вилия» с новой заряженной пленкой на 125 единиц, которую купил специально, заранее, для съемки в лесу.

– А давайте сделаем несколько кадров на память! – Витя достал камеру и ребята восхищенно уставились на него. – Становитесь возле изгороди!

Шаров поначалу отмахнулся, но потом занял место в центре, а по обе стороны от него расположились ребята. Позади и чуть сбоку, помявшись, встал Червяков. Лена отошла от него подальше и оказалась с правой стороны рядом с Давидом. Ну а слева замерли Лиза с Петей. Денис, сияясь улыбнуться, стоял перед Шаровым.

– Внимание, улыбочку! Сейчас вылетит птичка! – Витя нажал кнопку спуска затвора, все улыбнулись и в этот момент, где-то далеко за лесом, но очень отчетливо прогремел взрыв. Земля дрогнула под ногами и небо вдруг потемнело так быстро, что можно было подумать, кто-то завесил его серой мрачной тканью.

От неожиданности они даже пригнулись, хотя Витя успел сделать кадр буквально за секунду до того.

– Что это было? – шепотом спросила Лена.

Шаров повернулся в сторону взрыва и покачал головой.

– Учения? Не должны ведь... не знаю... Ребята, срочно собираем вещи. Срочно!

Все схватили сумки и почти бегом направились по проселочной дороге, которая, изогнувшись мимо двух изб и длинного сарая, похожего на хлев, снова нырнула в лес. Однако теперь идти было легче.

– Мне страшно... – тихо сказала Лена. Теперь она держала Витю за руку и не отпускала ее ни на секунду.

– Все будет хорошо. Не бойся. Скоро уже часть, ты же слышала, что сказал Илья Андреевич, – ответил он.

Она замотала головой. И было понятно – что нет, не выйдут, она в это не верила. Они безнадежно заблудились, хотя – как это возможно в двадцатом веке, с картой, компасом, практически рядом со столицей СССР – было совершенно непонятно.

А еще более непонятно – почему их до сих пор не нашли.

Вдали снова грохнуло, но этот раз еще более отчетливо, а затем грохот вдруг стал непрекращающимся, хаотичным, будто бы действительно, где-то на западе, по Минскому шоссе началась самая настоящая бомбежка. И хотя никто из них не знал, что из себя воочию представляет бомбежка, разумеется, все смотрели многочисленные художественные фильмы и кадры кинохроники, где такие моменты показывали с максимальной достоверностью.

– Это же не то, о чем я думаю? – спросила дрожащим голосом Лиза. И не дожидаясь ответа, она тихонько заскулила: – Ребята... Денис... она прижалась к Крутову... что это? Мне очень, очень страшно...

Шаров нахмурился. Ему ничего не было известно о проводящихся где-то под Москвой учениях подобного масштаба. Хотя конечно, никто ему не был обязан докладывать, но обычно об учениях с применением боевой техники и авиации заблаговременно оповещали и даже трубили – например, так было в 1981 году, когда проводили учения «Запад-81», «Щит-82» – это те, о которых он слышал и читал в «Красной Звезде» и «Правде». Даже в «Советском спорте» периодически публиковались заметки с указанием спортсменов, как правило, армейцев, участвовавших в учениях.

– Решили объединить «Зарницу» с настоящими войсками, – послышался голос Червякова. – Но как-то больно уж близко к нам... не могли подождать, пока мы закончим... – он помолчал, ковыряясь в зубах спичкой, потом неожиданно спросил: – А почему вы догнали того мужика?

Шаров сверкнул глазами, подумав, что хулиган прав – нужно было бросить все и во чтобы-то ни стало догнать странного типа, одетого в какое-то тряпье. А теперь что? Поздно говорить...

– Решил вас не бросать...

– В следующий раз не останавливайтесь, я присмотрю за ними, – сказал Червяков.

– Ты точно присмотришь... – сплюнул Шаров себе под ноги.

Начинало темнеть. Мрачные избы, окруженные перепаханнymi огородами с торчащей ботвой, сараями и хозяйственными постройками, со следами копыт животных, точно жилые, но почему-то брошенные – их присутствие на территории воинской части производило странное впечатление – было одновременно жутко и любопытно. Кто такое вообще мог допустить? Может быть, это учебные макеты для отработки навыков десантуры или подготовке действий диверсионных отрядов в тылу врага? Он не знал ответов, но ничего лучшего в голову не приходило.

– Идем, – бросил он ребятам. На придумывание правдоподобных версий у него уже не осталось сил, да и желания тоже. Он хотел поскорее попасть в часть, а там – хоть потоп. Трибунал, милиция, дело, выговор, окончание спортивной карьеры – все что угодно, лишь бы выбраться отсюда. И вывести ребят.

Самое большое опасение внушал Червяков. От него можно было ожидать любых выходов. Даже толстый неуклюжий Марченко и полуслепой Крутов выглядели более надежно, не говоря уже о девчонках. Те вообще держались молодцом, да и по сборной легкой атлетики он знал, что девушки в команде более эмоционально стабильны.

И все же, ситуация скользила по наклонной, медленно выходила из-под контроля. Еще немного и... нет, он не сдастся, но силы будут на исходе.

Шаров отбросил скверные мысли, сделал пару глубоких вдохов как перед важным, требующим полной самоотдачи стартом и шагнул вперед.

Они волочились по проселочной дороге, постоянно озираясь и оглядываясь.

Внезапно он понял, что далекий гул и взрывы прекратились и стало бесконечно тихо. Так тихо, словно бы кто-то одновременно выключил в доме все работающие телевизоры, радиоприемники и магнитолы – так бывало, когда изредка случались проблемы на подстанции и район, где он жил, погружался в темноту и тишину.

– Как тихо, – сказала Лена, взглянув в небо, затянутое серой вуалью.

– Когда мы уже придем? – не то спросил, не то простонал Денис, потирая виски.

– Скоро, – ответил ему Давид. – Уже рядом.

Чуть левее, в глубине леса послышалось журчание. Возможно, это был тот самый ручей, вдоль которого они шли к озеру.

– Этот ручей течет прямо позади штаба, – сказал Шаров, снова достав карту. – Там труднее идти, зато точно выйдем. Давайте к спустимся к нему и посмотрим.

Они свернули и быстро вышли к воде, хотя в этом месте ручей был похож на небольшую речку метра два с половиной шириной, берега которой поросли осокой и мелким кустарником.

Вдоль правого берега змеилась едва заметная тропка. Молча группа направилась по ней, но не пройдя и двадцати метров, Шаров вдруг остановился.

– Тихо! Смотрите!

– Что? Там кто-то есть? – послышался позади него шепот.

– Там кто-то... вроде кто-то рыбу ловит...

Они прокрались еще метров пять и, затаившись за большим кустом, увидели, что в небольшом изгибе ручья, на возвышающемся берегу сидит девочка лет тринадцати и сосредоточено смотрит на поплавок на натянутой течением леске.

Она была так увлечена, что буквально ничего не видела и не слышала вокруг. Рядом с ней лежал старый «взрослик» – велосипед темно-синего цвета. Выглядел он так, словно достался ей от деда.

Шаров сделал еще шаг, под ногой треснула ветка и девчушка резко повернула голову.

Взгляды их встретились. Шаров заметил в ее глазах некое удивление, испуг, а еще – любопытство. Она словно была шокирована, увидев в лесу группу одетых в спортивные костюмы школьников.

– Эй, не бойся, – Шаров поднял обе руки, показывая, что не причинит ей вреда. – Мы из города.

В ней явно шла борьба. С одной стороны она хотела вскочить и немедленно пуститься наутек, с другой – это значило бросить удочку, велосипед и трепыхающийся в темной холщовой сумке улов.

«Но чего она может бояться в родной стране?» – подумал Шаров. Даже если они заблудились и каким-то образом вышли за пределы части, оказавшись поблизости от одной из деревень в области... чего ей бояться? Пресловутого Моцарта? Она вряд ли даже он не слышала.

– Меня зовут Илья Андреевич, я руководитель школьного отряда «Зарницы», – сказал он, показывая на ребят, показавшихся из-за его спины.

Увидев среди них двух девочек, рыбачка слегка успокоилась.

Она смахнула прядь волос со лба, вытащила из воды удочку и положила ее рядом с собой.

– Зарница? Это что такое? – спросила она, выражаясь немного странным говором и рассматривая их как каких-то внеземных пришельцев.

– Ты не знаешь, что такое «Зарница»? – спросил Шаров.

Лена и Лиза переглянулись.

Червяков скептически покачал головой.

– Деревня, – прошептал он насмешливо.

– Нет, никогда не слышала.

Можно было предположить, что она шутит или пытается их разыграть, – так бы и подумал Шаров, но глядя в ее голубые распахнутые, абсолютно невинные глаза, он отбросил эти мысли.

– Это пионерская военно-патриотическая игра, когда...

– Так вы пионеры? – она с сомнением покачала головой.

– Конечно! – Петя Марченко извлек из кармана куртки красный галстук. – А как же?!

Вид красного галстука, кажется, ее слегка успокоил, хотя она по-прежнему, кажется, была готова вспорхнуть в любое мгновение, словно испуганная птичка.

– А... почему вы не эвакуировались? Все дети... все школьники давно эвакуировались, а вы почему...

Ребята переглянулись.

– Это зачем? – спросил Витя. – Из-за учений что ли?

Она взглянула на него испуганно, но ничего не ответила.

– Как тебя зовут? – спросил Шаров. – Почему ты сидишь одна?

Девочка пожала плечами.

– Я Катя Орлова. Живу в деревне Сосновка... тут недалеко. Папа ушел на фронт... а больше у меня... никого нет... в детдом я не хочу. И... – она шмыгнула, – надо где-то еду брать. В деревне совсем ничего нет.

Ее худое изможденное лицо дрогнуло.

Шаров почувствовал, что реальность ускользает от него с ужасающей скоростью. Ребята, потрясенные ее словами, молчали.

– Это такая шутка у тебя? – первым подал голос Червяков. – Какой еще фронт? Афган что ли?

Девочка поджала губы.

– Что еще за Афган? Вы что ли хотите меня разыграть? Почему вы так странно одеты?

Шаров почувствовал, что сердце его ушло в пятки.

– Что значит, странно? Мы на «Зарнице», спортивные костюма, кеды, шапочки, сумки. Про какой фронт ты говоришь? Куда ушел твой папа? – он чувствовал, что с трудом задает эти вопросы, понимаю всю их нелепость.

– Ну вот что! – девочка вдруг вскочила и принялась сматывать леску на деревяшку. – Что значит, какой фронт? Вы что, с Луны свалились? Всех мужчин, у кого нет брони, забирают на войну с фашистом! – Глаза ее сверкнули. – Всех! В нашей деревне никого не осталось!

– С фашистом? – Шаров растерянно оглянулся на ребят. – С каким фашистом? Война давно закончилась, – он покачал головой. – А сейчас идет «Зарница», но это не война. Никто никого не призывал, мы сами тут...

Девочка, назвавшаяся Катей, положила смотанную леску в сумку, подняла велосипед, привязала бамбуковое удилище к раме, затем повесила сумку на руль.

– Вы слышали бомбежку? – вдруг спросила она. – Немец уже под Малоярославцем! Утром я пряталась в кустах возле дороги и подслушала, что говорят бойцы, которые туда шли! И вы... если вас увидит милиция, вас сразу арестуют за бродяжничество!

Воцарилась тишина. Все смешалось в голове Шарова – «Зарница», бомбежка, немцы, бойцы, эта девочка...

Вперед на полшага вышел Давид. Глядя на странную лесную незнакомку, он сделал ей знак рукой, потому что она вот-вот была готова сорваться.

– Подожди.

Его мягкий голос заставил ее обернуться.

– Ну что еще?

– Слушай... какой сейчас год?

Она посмотрела на него как на полоумного, качнула головой, светлая прядь снова легла ей на лоб.

– Вы точно с Луны свалились. Сорок первый. Тысяча девятьсот сорок первый. Четырнадцатое октября сегодня.

Давид оглянулся на Шарова. Тот смотрел на девочку немигающим взглядом.

– Какой-какой год, повтори? – хрипло переспросил Шаров.

– Сорок первый, – снова сказала она, словно объясняя урок невнимательному ученику.

– Этого не может быть... – произнес Шаров.

Но глядя на Катю Орлову, на ее велосипед, вдыхая странную лесную тишину, наступившую после ожесточенной долбежки, вспомнив избушки, их долгую извилистую дорогу, озеро, взрыв гранаты, – все до того момента, когда часы на его руке остановились, он вдруг понял, точнее осознал шестым чувством: она не врет.

Глава 9

1984 год

Топот сапог, раздающийся на лестнице, заставил людей в кабинете напрячься.

Генерал Артемьев вперился тяжелым взглядом в противоположную от себя стену и когда в дверь постучали, резко сказал:

– Войдите!

В кабинет ворвался раскрасневшийся прапорщик огромных размеров и оглядел присутствующих с каким-то почти детским удивлением. И хотя ему, разумеется, было известно, кто именно находится у командира части, вряд ли он ожидал увидеть настоящего генерала буквально в нескольких метрах от себя.

– Тов... товарищ генерал... – хватая воздух ртом, обратился прапорщик. – Раз...

– Говори быстрее, не тяни! – чуть ли не гаркнул генерал, отчего мужчина буквально сжегился в размерах.

– Так точ... товарищ генерал, только что вот связисты передали, – он вынул из кармана свернутый лист бумаги и сделав несколько шагов за спинами милиционеров, подошел к столу, за которым сидел генерал. – Разрешите...

– Что это? – спросил Артемьев.

– Перехвачена радиограмма. Я случайно узнал, Галкин мне сказал, что, мол, дети балуются. У них же «Зарница» и они должны были что-то передавать Морзе...

– Морзе? – генерал сощурился, пытаясь понять кривой почерк, которым на листе было написано несколько слов.

– Ну да... поэтому не сразу врубилась... да пока расшифровали... – вырвалось у прапорщика.

– Черт... вы что там, Морзе не знаете, – генерал глянул на вытянувшегося по струнке прапорщика, отчего тот побледнел.

– Знаем, тш... генерал, просто редко используется... поэтому...

– Плохо вижу, что тут написано? – генерал водил пальцем по невнятной карандашной строчке, пытаясь различить серые буквы.

Прапорщик подскочил ближе и слегка наклонившись прочел:

– НАМ НУЖНА ПОМОЩЬ КВАДРАТ 7В.

Левин с Беловым переглянулись, а командир части, подполковник Васютин два раза стукнул шариковой ручкой о деревянный стол.

– Семь вз, – сказал он медленно. – Озеро «Верхнее».

– Когда получена радиограмма? – быстро спросил генерал, глядя на прапорщика.

– Э... – тот глянул на лист, потом ткнул пальцем в едва заметный карандашный росчерк: – Тринадцать ноль семь.

– А что же вы... – генерал тряхнул рукой и посмотрел на командирские часы. – Что же вы молчали! – повысил он голос. – Сейчас уже пятнадцать сорок!

– Но... связисты... случайно...

– Черти что, Васютин, у тебя творится, – Артемьев перевел взгляд на командира части. – Где этот квадрат? Быстро карту сюда!

Васютин подскочил, словно ошпаренный, выдернул левый, ближний к нему ящик стола и достал оттуда сложенную карту. Разложив ее на столе перед генералом, он показал пальцем квадрат, рядом с которым можно было заметить небольшое озеро.

– Озеро «Верхнее», – прочел генерал. – Что там?

– Согласно плану игру, под мостками находится ракетница. С ее помощью командир должен сигнализировать, что отряд благополучно вышел к озеру. Потом, после привала, они должны были отойти к блиндажу, дожидаться окончания условного обстрела и вернуться к штабу. Вот и все.

– А где сейчас поисковая группа? – генерал взял красную ручку из черного прибора с часами и обвел жирным овалом квадрат «7В».

– Они идут по следам отряда.

– И куда можно было направиться от этого озера, если они, к примеру, решили... скажем так, погулять?

Васютин слегка пожал плечами.

– Да особенно никуда. На западе, за ручьем довольно топкое болото, но, чтобы попасть к нему, нужно перейти вброд сам ручей. Учитывая, что большинство ребят в кедах, вряд ли они на это решатся. Они могли пойти вдоль ручья... когда-то в годы войны, в северной его части, примерно в километре отсюда находилась небольшая деревня... но там почти ничего не уцелело. Хотя солдаты порой находят рядом... всякие предметы...

– Какие такие предметы? – спросил вдруг оперативник из МУРа Белов.

– Бытовые... ложки, утварь...

– И все?

– Конечно, довольно часто попадаются гильзы, каски, части оружия... иногда даже целые стволы. В позапрошлом году нашли кости... экспертиза установила, что захоронение военных лет... мужчина... Здесь недалеко пролежала линия фронта и шли ожесточенные бои... поэтому порой достаточно просто копнуть.

– Просто копнуть... – эхом отозвался Белов.

– Ладно, – махнул рукой генерал. – Поисковая группа знает про блиндаж? Возможно, школьники там спрятались и просто слегка... заигрались? Или их засыпало, например.

– Разумеется, мы выдали поисковым группам карты с маршрутами и заданиями «Зарницы».

– Уже час прошел... – генерал посмотрел на часы и только собрался что-то еще сказать, как на лестнице снова раздались шаги. Причем в этот раз они были еще более частыми. Через секунду в дверь опять постучали.

– Ну вот, только вспомнишь... – сказал генерал. – Надеюсь, нашли... Войдите!

В кабинет буквально влетел раскрасневшийся солдат. Лицо его было чуть ли не перекошено от страха.

– Тов... тво... – зубы его стучали, он никак не мог выговорить обращение к старшему по званию.

– Да говори же ты нормальным языком, еп..!

Это был солдат, которого поставили охранять столовую. Сразу за ним в кабинет вошел и штатский, который сам вызвался опросить ребят. И судя по его настроению, случилось что-то явно экстраординарное.

– Пять школьников сбежали из столовой! Минут пятнадцать назад! – выпалил солдат и замер, ожидая, как минимум, расстрела. Штатский, было поднял руку, видимо, чтобы не дать доложить солдату, но не успел.

– Как?! – вырвалось у командира части. – Куда сбежали?

– Н... не знаю. Через окно в туалете. На задний двор! – зубы солдата стучали, словно он стоял голый на морозе. Скорее всего, он предполагал, что его отправят на губу, а может наказание будет более суровым.

Мужчины переглянулись между собой.

Повисла напряженная пауза.

– Ну... знаете... – сказал медленно генерал, посмотрев на штатского с выражением, в котором явно читалось осуждение. Комитетчиков никто не любил. А этот, находясь в столовой, судя по всему, проشياпил побег не одного, а сразу пятерых пацанов. Конечно, это не его прямая вина, но, если бы он был чуть повнимательнее, поговорил с ребятами, а не запугивал их, наверняка бы понял, что они горят военной романтикой, тайной и любопытством и, конечно же, мечтают отыскать своих школьных друзей.

Вполне возможно, даже предполагают, где те могут находиться и у на этот счет были какие-то договоренности – обвести взрослых вокруг пальца, а потом встретится где-нибудь на территории части. А еще лучше, сорвать занятия в понедельник и... вишенка на торте – не пойти на ненавистную политинформацию.

С пацанами в таком возрасте нужно быть деликатнее, подумал генерал, бросив взгляд на зеленого от страха солдата, который еще вчера был таким же школьником. Хотя, разумеется, эти ребята уже далеко не дети и не так просты, какими кажутся на первый взгляд... – эти мысли пронеслись у Артемьева, пока он пытался переварить информацию, разглядывая людей у противоположного края стола.

– Пора заканчивать этот бардак, – процедил генерал сквозь зубы. – Васютин, делай что хочешь, но через час эти пятеро должны быть здесь в штабе передо мной. Понял?

– Слушаюсь, товарищ генерал. Разрешите выполнять?

– Иди. – Генерал кивнул стоящему рядом со столом прапорщику. – И ты тоже...

Командир части с облегчением поднялся, бросил ненавидящий взгляд на комитетчика, который с легкой полуулыбкой крутил на пальце кольцо с ключами, отчего кабинет наполняло мерзкое позвякивание.

Оказавшись за дверью, Васютин услышал, как генерал повышенным тоном быстро сказал:

– Перестаньте уже крутить эти ваши чертовы ключи. И так голова раскалывается.

В ответ наступила тишина и Васютин едва заметно улыбнулся.

Спустившись по ступеням на крыльца, он остановился возле прапорщика, который тут же протянул ему пачку «Ту-134».

– Где сейчас Андреев? – спросил он прикуривая. Капитан Андреев служил командиром разведывательного подразделения и раз уж приказано за час найти бегунов, то иного способа сделать это с наибольшим успехом просто не было.

– Товарищ подполковник, так в общегитии, отдыхает он. Выходной же...

– У кого как... – отрезал Васютин, подняв голову на окна своего кабинета.

Прапорщик промолчал, втянув дым, потом спросил:

– Мне за ним сбегать?

Васютин подумал, с наслаждением выпустил колечко дыма, потом неожиданно спросил:

– Как думаешь, куда они побежали?

Прапорщик пожал плечами.

– У них есть карта, если выскочили из окна туалета в столовке, то выбор невелик. Чтобы не попасться на глаза – прямиком в лес, к той самой деревне, либо же направо за трансформаторной будкой можно обежать вокруг плац по низине и выйти уже на тактическое поле...

– Там же два поста... – зачем-то сказал Васютин. Он бросил взгляд на гараж. – Заводи Урал, давай быстро.

Николаенко бросил сигарету и ринулся выполнять.

Скорее всего, прапорщик прав: они направились кратчайшим путем к старой деревне, – подумал Васютин. Конечно, они могли бы справиться и вдвоем, но он решил все же перестраховаться и взять Андреева, обладающим огромным опытом в таких делах.

Через три минуты в гараже взревел мощный мотор и оттуда выкатился любимец Васютина – Урал М67-36 с коляской, в защитном зеленом цвете, почти новенький, с огромной фарой и ни с чем не сравнимым рыком четырехтактного двухцилиндрового двигателя.

Прапорщик Николаенко с трудом сдерживал радость от управления машиной. Подрулив к командиру, он дождался, пока тот запрыгнет в коляску, потом выкрутил ручку газа и мотоцикл понесся в сторону общежития, до которого было около километра.

Генерал Артемьев, услышав рев двигателя, слегка привстал и глянул в окно. Он увидел, что Васютин залез в коляску мотоцикла, который быстро скрылся за углом здания штаба части. С момента его приказа прошло не больше пяти минут.

– Удалось что-нибудь выяснить в столовой? – спросил Артемьев у штатского неприятным тоном. Тот снова примостился на стул возле окна с левой стороны и теперь сидел со скучающим видом.

Комитетчик ответил не сразу, будто бы размышляя, о чем стоит говорить, а что генералу слышать не нужно, отчего Артемьев ощутил почти физическую ненависть к этому скользкому типу.

Глянув на милиционеров, он понял, что не одинок в своих чувствах.

– Дело в том, генерал, что все не так просто, как вам кажется, – сказал ледяным тоном штатский, опустив почему-то важное обращение «товарищ». Всем сразу стало ясно, что никакой он им не товарищ.

Левин и Белов переглянулись. Кроме четырех мужчин в кабинете больше никого не осталось, и генерал почувствовал, что этот человек из комитета здесь далеко не просто так. Разумеется, ситуация не рядовая, но и ничего из ряда вон выходящего пока не намечалось. Дети и раньше плутали, в том числе и на «Зарницах», точно также они крали боеприпасы или же приносили свои, найденные на раскопках гранаты, патроны, взрывпакеты, некоторые даже умудрялись восстанавливать нарезное окружение времен войны... обо всем этом генерал Артемьев прекрасно был осведомлен. Но это явно не тот случай, когда требуется присутствие спецслужб. Сами бы разобрались... – подумал он.

Он нахмурился, буравя тяжелым взглядом штатского.

– На днях в школе, где учатся дети, участвующие в «Зарнице», произошло происшествие... о котором вам стоит знать, – сказал медленно комитетчик и посмотрел на Левина испытующим взглядом. – Драка. Был избит старшеклассник тремя неизвестными.

Левин, который, разумеется, знал об этом случае, нехотя кивнул. Обычные выяснения отношений между подростками, ничего экстраординарного.

– Нам известно об этом. Возбуждено уголовное дело, проводятся оперативно-розыскные мероприятия... Ничего особенного я...

– Ничего особенного? – прервал его комитетчик. – Игорь Владимирович... прежде чем войти в этот кабинет, я сделал один звонок. Всего один. Вам пересказать суть?

Левин слегка побледнел, но ничего не ответил. Сидящий рядом опер Белов напрягся. Он хоть и не работал с Левиным в одной команде, был готов постоять за честь мундира.

Генерал Артемьев наклонился к столу, потому что штатский говорил слишком тихо, а рев мощного двигателя только что отъехавшего от здания штаба мотоцикла, еще разлетался по пустынному плацу.

– Так вот... нападавшие за эти дни не найдены. Но это полбеды, не так ли, Игорь Владимирович? Хуже дело обстоит с потерпевшим, который мало того, что сбежал из больницы, хотя был избит до полусмерти, так он еще и исчез. Вышел из палаты и пропал.

Трое мужчин уставились на мужчину в сером костюме. Левин хотя и знал про это дело, в детали расследования, разумеется, посвящен не был. – Также исчез его отец, который работал учителем труда в этой же школе. Установлено, что учителем труда он устроился по подложным документам и такого человека, как Александр Иванович Прокопьев не существует. Он не

учился в Московском педагогическом университете. Вернее... по бумагам учился, и... мы уже проверили, все ведомости, все табели, приказы о зачислении и сдаче диплома – реально существуют. Но он там не учился. Точно также, все документы на его сына, Прокопьева Владислава поддельные. Он никогда на самом деле не посещал детский сад №1026 на Софьи Ковалевской, не появлялся в поликлинике по месту прописки, хотя на него заведена карта и она со всеми печатями и обычными для детского возраста болезнями... Только мы уже проверили... врачи этой поликлиники не помнят заикающегося мальчика. Да, такая у него характерная примета.

Генерал слушал негромкий голос комитетчика в странном оцепенении, как бывало, у него на учениях, когда не до конца проснешься и грохот вчерашних гаубиц, рев самолетов в небе, треск автоматных очередей смешиваются со спокойным сном и отличить реальность от сна очень сложно. Так и сейчас он не понимал, что происходит и каким боком он вообще оказался здесь, в этой воинской части, где проводилась самая обыкновенная школьная «Зарница».

Белов, лишь изредка поднимая голову, что-то быстро записывал в свой маленький блокнотик.

– А знаете, кто помог сбежать нашему неуловимому Джо из больницы? – спросил штатский и замолчал, видимо смакуя эффект.

– Отец? – быстро спросил опер.

– Если бы... сбежать ему помог Виктор Крылов, ученик 6 «Б» класса.

Мужчины вопросительно уставились комитетчика и тот не стал их томить.

– Да, вы правильно догадались. Он один из тех, кто в том самом отряде партизан, который мы сейчас пытаемся найти... – он быстро глянул на часы: – вот уже почти третий час.

– То есть... – медленно произнес Левин, – это... какая-то группировка? Если они связаны, а они определенно связаны, то...

– Возникает вопрос, чем именно и какие у них цели на территории воинской части. Похищение оружия, я так полагаю, звенья одной цепи... – сказал штатский. – И за всем этим могут стоять куда более серьезные цели... и люди.

Теперь в кабинете воцарилась почти полная тишина, в которой отчетливо было слышно, как стучит секундная стрелка настенных часов.

– И это послание с просьбой о помощи... – медленно произнес генерал, поднимая лист с написанным от руки текстом перехваченной радиогаммы. – Все к одному...

– Именно, – подытожил комитетчик.

Артемов положил лист на стол.

– Но ведь это просто дети... вполне возможно, что это просто игра... ничего более... а этот... как его... ваш учитель труда и пацаненок – обычные пройдохи. Мошенники. Ничего особенного. Жизнь научила меня, что всему есть простое и понятное объяснение. Правда, чтобы его найти, порой нужно потратить довольно длительное время. А всем потому, что силы уходят на такие вот сложные неправдоподобные версии и их проработку. Возможно, в этом случае возникла неразбериха с документами, однофамильцы, мало ли...

Комитетчик покачал головой.

– Вы, конечно, правы, уважаемый Андрей Викторович. Не стоит спешить и наводить тень на плетень раньше времени. Скорее всего, в ближайшее время ребята отыщутся и все станет ясно. Виктор Крылов сам расскажет, куда пропал его друг. К тому же сегодня воскресенье и многие детали попросту невозможно уточнить. Я понимаю... – он сделал паузу и посмотрел в сторону милиционеров, – что между нашими ведомствами есть... скажем так... некоторая напряженность... но сейчас мы должны сделать все, чтобы найти детей и не допустить какой-либо утечки информации. Вы согласны?

Все трое одновременно кивнули.

– Полагаю, что если через полчаса от поисковой группы не будет известий, то Иван Алексеевич должен будет опросить родственников Виктора и желательно сделать это так, чтобы не привлекать внимание и не вызывать беспокойство.

– Это как – не привлекая внимания? – вырвалось у Белова.

– Откуда мне знать? – пожал плечами штатский. – Вы же опер, вот и подумайте.

Белов скрестил пальцы на руках, и все услышали, как щелкнули суставы.

– Почему Крылов, а не этот... как его... Червяков? – спросил Левин, пожав плечами. – Гранату украл он, взорвал ее, судя по всему, тоже...

– Обычный хулиган, – почти сразу ответил Белов и штатский кивнул в знак согласия. – А вот этот паренек действительно вызывает интерес... – он опять что-то черкнул в блокнот, потом вдруг резко поднялся и сказал: – С вашего позволения, я не буду дожидаться поисковой группы и поеду немедленно.

Генерал Артемьев удивленно вскинул брови. Он привык к тому, что его подчиненные редко проявляют инициативу, которая, как известно, наказуема.

Левин повернулся к поднявшемуся оперу и сказал:

– Иван Алексеевич, возьми мою машину, так будет быстрее.

Опер кивнул, посмотрел на штатского, но тот сидел словно изваяние и по его виду почти невозможно было догадаться, о чем на самом деле думает комитетчик и есть ли ему вообще дело до поиска детей, или же единственной его задачей было – не допустить распространения нежелательной информации.

Однако по опыту Левин знал, что, если на ЧП, которых в Москве ежедневно случалось предостаточно, присутствует человек из конторы, – дело гораздо, намного серьезнее, чем кажется на первый взгляд. И слухи, точнее, их недопущение, – лишь одна из многих задач, которыми занимался вплотную Комитет и его сотрудники, один вид которых порой вызывал у него оторопь.

Служебная «Волга» дежурного по городу была оборудована радиотелефоном и когда Белов въехал в Москву, он уже знал и где живет Витя Крылов и многие другие детали этого без преувеличения странного дела.

Автомобиль подкатил к девятому дому – типичная хрущевка, пустынный двор с несколькими ржавеющими гаражами меж облетевших кустарников. Двое детишек дошкольного возраста копаются в песочнице. Девочка в сером пальто качается на скрипучих железных качелях, звук от которых эхом разносится по всему двору.

Он попросил водителя остановиться чуть поодаль. Посмотрел на темнеющий остов здания, расположенного метрах в ста – судя по здоровенной антенне на крыше, это был какой-то научный институт.

В голове прокручивались самые разные варианты – как не вызвать подозрение у мамы школьника. Он уже узнал, что она потеряла мужа, выполнявшего интернациональный долг и заранее не хотел доставлять ей неудобств. Однако – служба есть служба.

Он вышел из машины, поднялся на третий этаж и немного поколебавшись, нажал кнопку звонка, под которым мелом была нарисована цифра «11».

Ему показалось, что справа, в двенадцатой квартире кто-то подглядывает за ним из глазка. Белов медленно повернул голову, но в этот момент дверь отворилась, и он увидел красивую молодую женщину в домашнем халате. В руках у нее был журнал «Работница». В комнате позади работал телевизор и, судя по всему, в данный момент шел «Клуб путешественников» – его любимая передача с Сенкевичем.

Некоторое время они смотрели друг на друга и Белов вдруг понял, что забыл легенду, которую тщательно повторил несколько раз, пока поднимался на этаж.

– Здравствуйте... – медленно сказала женщина. Рука с журналом опустилась, и он вдруг понял, что она каким-то своим женским чутьем обо всем догадалась. На мгновение Белов похолодел – это была непростительная оплошность, он не должен был, не имел права... но...

– Мария Павловна? – спросил он зачем-то, хотя точно знал, что это она.

– Да, – ответила она упавшим голосом.

– Здравствуйте. Я старший оперуполномоченный Иван Алексеевич Белов.

Повисла пауза, в течение которой, кажется, она передумала все, что только может быть – эти страшные мысли буквально пронесли в ее глазах.

– Витя? Что-то случилось с Витей? – спросила она.

Белов чуть заметно кивнул.

– Можно войти? Мне очень нужна ваша помощь...

Глава 10

2010 год

Виктор повернул голову и замер, глядя на человека, остановившегося у двери в нерешительной позе. Человек поднял руки к лицу, словно бы отгораживаясь от наведенного на него черного ствола.

Шаров, увидев, что вошедший безоружен и явно не собирается причинить им вред, медленно спрятал пистолет.

– Шершень? – изумленно сказал Виктор, повернулся к Лене и повторил, словно пробуя это имя на вкус: – Это же Шершень... смотри, Лен... – он мгновение подождал, потом быстро взглянул на Шарова: – Смотрите, это он! Вы помните?! Помните его?

Майор устало покачал головой, хотя лицо парня у двери было явно знакомым.

– Нет, вообще не помню.

– Спичечный коробок, шершень... помните?

Шаров вздрогнул, но промолчал.

Виктор обернулся на друга и уставившись на него, медленно спросил:

– Э...ты? Это правда ты?

Шершень кивнул.

– Д-да. Э-это я, Вить.

Голос и правда был его. Парень почти не изменился, остался тем же самым десятиклассником, только... чуть похудел, да черты лица... стали жестче, а в глазах все тот же самый озорной огонек, – подумал Виктор. – И еще шрам на лбу выше глаза. Глубокий светло-коричневый шрам...

– Это у тебя... – Виктор поднял руку к своей голове и осекся.

Шершень чуть заметно улыбнулся.

– Д-да... П-поомнишь, в ш-школьном д-дворе?

– В школьном дворе?! – Виктор вскочил со стула.

Профессор боязливо отодвинул ноги и взял в руки пластиковый стаканчик с чаем.

– Помню ли я, что произошло в школьном дворе?! Ты издеваешься? Это было... словно вчера! Каждое утро я просыпался и вспоминал сон, который снился мне ночью: трое парней в черном избивают тебя, двое держат за волосы и руки, а третий... лупит руками и ногами... а потом ты упал, и они втроем стали бить тебя... весь асфальт был в крови!

– В-все оо-обошлось! – снова улыбнулся Шершень.

Виктор покачал головой.

– Обошлось? Но... – он развел руками. – Господи... я думал, ты умер. – Он быстро подошел к другу и обнял его. – Ты же... пропал. Исчез навсегда... я думал, ты переехал, потому что боялся этих подонков... не было и дня, чтобы я не вспомнил о тебе... все эти годы... как ты мог пропасть...

Шершень легонько похлопал Виктора по спине.

– Я... я и в са-а-мом деле их бо-о-ялся. Если бы-ы не ты, меня бы у-у-били.

Виктор отстранился, быстро провел рукавом куртки по красным глазам и посмотрел на друга, словно проверяя, не исчез ли тот снова на очередные двадцать лет.

– Но откуда они взялись? Кто их подослал? – он покачал головой. – Честно говоря, я всегда думал, что это из-за меня. Из-за той нашей вылазки на Арбат... помнишь? Когда я потерял рацию в подвале.

Шершень кивнул и взгляд его слегка затуманился.

– Но ведь все не зря...

– Что не зря? – вздрогнул Виктор, непонимающе уставившись на друга.

– Бриллианты. – Шершень пристально посмотрел на Шарова. Тот хлопнул себя по карману, но ничего не сказал. – Иначе бы майора Шарова не удалось уговорить... А вот по поводу тех бандитов... – Он вдруг замер, пристально глядя на профессора, – мы еще поговорим. Как-нибудь потом.

Виктор почувствовал, что кто-то взял его за руку. Он обернулся, это была Лена.

– Я больше не могу, очень хочу спать, – прошептала она, пошатываясь и пытаясь удержать глаза открытыми.

Профессор отхлебнул из пластикового стаканчика и кивком показал на дверь.

– Кабинет напротив, там раньше сидел зам командира. Я привез несколько раскладушек и одеял. В шкафу обогреватель. Не пятизвездочный отель, но переночевать можно.

– Проводишь меня? – Лена посмотрела на Виктора, тот кивнул, и они вышли, ступая по скрипучему, темному от старости паркету.

– Свет за шкафом, – крикнул сиплым голосом вслед профессор.

Когда Виктор расправил раскладушку, постелил на нее найденный новенький матрас и вынул из пакета маленькую подушку, Лена уже сложилась на стуле возле окна – положив руки не подоконник, она мирно спала. В нелепой рабочей спецовке из психбольницы, огромных черных резиновых сапогах, с короткой мальчишеской стрижкой, она казалась удивительно милой и такой беззащитной, что у Виктора защемило в груди.

Он осторожно поднял ее, уложил на раскладушку, стащил сапоги и укутал одеялом. В этот момент в голове стрельнул острый разряд, он едва сдержался, чтобы не вскрикнуть – все это уже было, он был в этом уверен, и раскладушка, и сапоги, и приглушенный свет и неясные мужские голоса за дверью...

Стиснув голову руками, Виктор глухо застонал. Через пару минут приступ прошел, но перед глазами крутились яркие звезды и всполохи, будто бы его ударили по голове чем-то тяжелым.

– Лена... – прошептал он. – Леночка... – быстро наклонившись, он слегка коснулся губами ее теплой щеки и тут же отпрянул, будто кто-то мог застать его за этим по-детски невинным поступком. Сердце гулко стучало. Он глянул на щелку дверного проема, но в коридоре никого не было.

– Спокойной ночи, – сказал он едва слышно и, выключив свет, вышел из комнаты.

Коридор второго этажа штаба утонул в темноте. Пахло старым, давно обветшавшим зданием, хотя ни сырости, ни каких-то специфических запахов типа плесени не чувствовалось. Здесь очень давно никого не было, но когда-то, несомненно, в этих стенах кипела жизнь, стучали по паркету сапоги и то и дело раздавались отрывистые команды.

Он толкнул дверь командира части от себя.

Шаров оставался за столом, профессор так же сидел у окна, а Шершень переместился на один из стульев у стены. Все они молчали и будто бы ждали его появления.

– Как она? – спросил Шаров.

– Все нормально, уже спит.

– Я бы тоже не отказался, – признался майор. – Но для начала давайте расставим все точки над «и». – Он постучал огрызком карандаша по почерневшей от времени поверхности стола, посмотрел в окно, задрапированное плотной черной тканью, будто бы сквозь нее можно было что-то рассмотреть. – Это удивительно... – начал он медленно, старательно взвешивая каждое слово. – Кажется, я был здесь буквально вчера. И... до того момента... момента, пока не началась «Зарница», все в моей жизни шло хорошо. Или нет? – он покачал головой, глянув на Виктора, который подлил кипятка в пластиковый стакан и сел рядом с Шершнем.

– Или нет? – повторил майор. – Все началось раньше, ведь так, Витя? И ты... так и не успел мне рассказать, что произошло там... на стадионе.

– Я сам не знаю, что там случилось, – ответил Виктор, глядя в глаза Шарову. Горячий чай обжег губы, он закашлялся. Поставил стаканчик на стол и под ним тут же образовалась маленькая лужица. – Я не помню, что произошло! Все как в тумане! Помню отдельные моменты... как записывал имя победителя, которое кто-то продиктовал мне по магнитофону, как ехали с соседкой на трамвае к стадиону, потом...

Трое мужчин напряженно смотрели на него, а он, точно школьник мотал головой из стороны в сторону, пытаясь уловить отголоски давно прошедших дней, вспомнить хоть что-нибудь. И память при этом, словно мокрый песок на берегу – он оглядывался, чтобы разглядеть ее следы, и только что четкие, они исчезали, слизываемые накатываемой волной.

– Если бы вы мне поверили там... в раздевалке... все было бы иначе... – наконец сказал он.

– Н-нет, – ответил вдруг Шершень. – Не было бы и-иначе. Т-так ведь, доктор?

В кабинете воцарилась тишина и все взгляды устремились к вытянувшемуся на стуле профессору. Тот открыл рот, потом закрыл его. Оловянные глаза моргнули, мужчина втянул шею в туловище и как-то враз опал внутрь себя.

– Не знаю, – буркнул он.

– В-все вы-ы з-знаете, – с нажимом повторил Шершень. – С-с того са-амого дня, когда он в-первые у-увидел Витю, он понял, какие в-возможности мо-ожет получить. К-конечно, он не с-разу поверил. Ведь в это невозможно п-поверить. Э-это нереально. Н-надо о-отдать ему должное, как у-ученый он выше всяких похвал. Дру-угой бы списал на шизофренический б-бред, галлюцинации – т-так и делают п-повсеместно. Но он начал к-копать. П-помогло то, что он в ту п-пору чуть ли не единственный в СССР освоил м-методику ре-е-егрессивного гипноза и хотя научного в ней б-было мало, в случае с Витей она н-неожиданно дала це-енные и, главное, п-поовторяющиеся результаты. А повторимость о-опыта в науке означает п-повышение достоверности.

Шаров слушал Шершня открыв рот, частично понимая, но большей частью видимо, удивляясь и поражаясь услышанному.

– Но откуда он знал? Ведь... после взрыва... после... того, что там случилось, – Виктор поперхнулся, прочистил горло, сделал глоток чая и продолжил: – не каждому доктору могли доверить детей, да еще... тогда в СССР вообще психологов не было.

– О-он знал, – сказал Шершень таким тоном, что у Виктора побежали мурашки по спине. – Ему ска-азал т-твой отец... пе-е-еред смертью.

На мгновение Виктор почувствовал, что сердце перестало биться, а воздух в комнате вдруг резко закончился.

– Н-н..никаким психологом он не-е был. Слу-ужил армейским хи-ирургом. С-спасал бойцов, н-но война, в-ви-идимо, что-то в нем п-перекромсала... И-и п-понеслось...

– Что сказал ему отец? – прошептал Виктор, сжимая кулаки под столом. Он медленно поднял опущенную голову и посмотрел на скукожившегося на стуле доктора. И хотя выглядел тот вполне безобидно, можно даже сказать, вызывал жалость, Виктор почувствовал, что это все притворство. И под маской напуганного старика скрывается холодный, жестокий, расчетливый убийца. Теперь понятно, что помогало ему все эти годы – глядя на него абсолютно нельзя было сказать, что этот старикашка вообще был способен на что-то серьезнее кроме просмотра газеты «Друг пенсионера».

– Что он тебе сказал? – процедил Виктор, обращаясь к доктору.

Тот не шелохнулся. Лишь слабая тень воспоминаний пробежала по его лицу, на котором не дрогнул ни один мускул. Он даже не повернулся к Виктору, продолжая разглядывать гигантскую пожелтевшую карту на стене.

– Разве ты не помнишь наш разговор? – ответил он вопросом после долгой паузы. – Кажется, я все сказал тебе, когда ты увидел фотографию отца.

Виктор перевел взгляд на Шершня.

– Он сказал, что я знаю, как поступить. Так вроде... И еще... что... папа любит меня... – голос его сорвался, и Виктор отвернулся.

– Да, – тихо сказал Шершень. – Он сказал, что ты можешь все изменить. Все.

– Чертовщина какая-то, – не выдержав, вставил Шаров. – Я не верю, что мы, взрослые люди, сидим и обсуждаем это. И если бы...

– Е-если бы не э-это... – Шершень хлопнул себя по груди, – вы-ы бы не по-о-верили.

– Да. Я бы не поверил.

– Такое ощущение, что у каждого из нас есть какая-то тайна. Есть, что скрывать. И никто не хочет начать первый. Но чем глубже погружаешься в это дело, тем больше понимаешь, что вообще нифига не ясно. Я с таким никогда не сталкивался в своей практике. Обычно все довольно просто и понятно. Бытовуха. Пьянь. Деньги. Ну или женщина. А тут – черти что!

Где-то за окном вдали взревел двигатель, плотно зашторенные окна слегка дрогнули и через минуту снова наступила тишина. Виктор обеспокоенно оглянулся на дверь, не разбудил ли самолет Лену, но никаких шагов не услышал.

– Что дальше? – спросил Шаров. – Расскажите кто-нибудь, пока нас всех не объявили в федеральный розыск.

Шершень легким кивком указал на доктора. Тот повел головой и продолжая рассматривать карту, произнес:

– Нужно найти остальных. И чем быстрее, тем лучше.

– Остальных? – спросил Виктор. – Это кого? – хотя, прежде чем он спросил, до него уже дошло, что имеет ввиду Инин.

– Всех остальных из партизанского отряда. Пока здесь только трое. Нужны все остальные. Только тогда мы сможем... сможем им помочь. Только так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.